Г. Р. ДЕРЖАВИН



ГЛАГОЛ ВРЕМЕН

Д






МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1978



Г. Державинъ



Г. Р. ДЕРЖАВИН

ГЛАГОЛ ВРЕМЕН

СТИХОТВОРЕНИЯ



МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1978

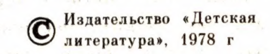
Р 1
Д 36

Текст печатается
по изданию: Г. Р. Державин. «Стихотворения».
«Государственное издательство
художественной литературы», М., 1958.

Составление, предисловие и примечания
Н. В. БАННИКОВА

Гравюры на дереве
Н. Н. ПОБЕДИНСКОЙ

70803—282
Д————————278—78
М101(03)78



ДЕРЖАВИН И ЕГО ПОЭЗИЯ

Эхо поэзии Державина долго не смолкало после его кончины. Однако с сороковых—пятидесятых годов XIX столетия Державин как бы отодвигался в тень; его считали совсем архаичным, вводя лишь в программы гимназий. В нашем XX веке он вновь стал занимать умы поэтов, литературоведов, читателей. Читатели почувствовали в Державине не только источник исторических познаний, но и живого поэта, одаряющего нас эстетическими ценностями, радостью прикосновения к истинно поэтическому слову.

Он был славой XVIII века, им тогда восхищались, его боготворили. Стихами Державина вдохновлялись, черпая в них важные для себя мотивы, и младшие его современники, и поэты нескольких последующих поколений. Если представить себе русскую поэзию в виде громадной горной гряды, то два высочайших ее пика, расположенных рядом, мы обозначим именами Державина и Пушкина, хотя между ними вздымаются и такие вершины, как Карамзин, Батюшков, Жуковский, Крылов. Державин входит в узкий круг самых великих наших поэтов.

Вникая в державинские стихотворения, современный читатель должен преодолеть некоторые трудности языкового характера. Многое у Державина покажется ему непривычным, неуклюжим, неслаженным. Это русский поэтический язык допушкинской эпохи, неустоявшийся и пестрый, еще

не приведенный в гармонию. Он насыщен формами и оборотами, которые шли из старины и были обречены скоро на вымирание. Как раз последние годы жизни Державина — самый конец XVIII и начало XIX века — стали временем стремительной перестройки поэтической речи, ее очищения и обогащения, отбора живых элементов из старого, усвоения нового. За короткий срок, в двадцать примерно лет, русский стих решительно обновился, приобретя привычную для нашего уха гибкость, легкость, чистоту, изящество. Эта кристаллизация новых норм, определившая судьбы русской поэзии на будущее, с блеском была завершена в творчестве Пушкина. А Державин, открыв в своих новаторских стихах широкую дорогу разговорному просторечию, по сути дал начальный толчок этой работе русских поэтов над языком. Сам же он, принадлежа XVIII веку, оставил множество страниц и строф, в которых словесное мастерство поэта вызывает изумление.

Личность Державина, незаурядная его жизненная судьба, его могучее поэтическое творчество прочно впаяны в панораму второй половины русского XVIII века.

Это была эпоха разительных контрастов, глубоких противоречий. Невиданно пышный расцвет и торжество дворянства, каких ему уже не дано было повторить, — и тяжкое ярмо крепостничества, наложенное на десять миллионов крестьян, лишенных даже права жаловаться на свое положение. Скептицизм, вольтерьянство, галломания и утонченная космополитическая образованность, разврат и сластолюбие вкушающей с золотых блюд аристократической дворянской верхушки и дикие нравы, сонное невежество уездных помещиков — Скотининых и Простаковых. Громкие военные победы, одержанные как бы вслед победам Петра и сделавшие Российское государство крупнейшей между-

народной силой, — и убогая, с тараканами и сажей, темень курной избы, куда возвращался после долгой службы и далеких походов русский солдат, крепко бивший и прусского короля, и турок, и шведов. Лукавые письма императрицы Екатерины Второй философам Вольтеру и Дидро, где она, разыгрывая перед Европой роль просветительницы и благодетельницы, уверяла, что русский мужик уже не хочет есть кур, а потребляет только индеек, — и ее беспощадные приказы, торопящие посланных в Поволжье генералов потопить в крови пугачевщину — восстание крестьян, казаков и фабричных; их трупы на виселицах потом пускали с плотами вниз по Волге. Славный Московский университет, целая сеть новооткрытых школ и училищ — и похороненное небрежением и тупостью чудесное изобретение Ползунова, сделанное за двадцать лет до Уатта, — паровая машина. Высокие достижения русского искусства, созвездия отечественных архитекторов, живописцев, музыкантов, актеров — и одновременно великосветская мода на заезжих иностранных художников и горестные, трагические судьбы многих и многих русских творцов-интеллигентов, особенно вышедших из низших слоев населения, из крепостных. Всесилие фаворитов императрицы, возносимых к кормилу власти и порой тративших огромные суммы государственных средств на алмазные пуговицы для своего кафтана, — и опалы, падавшие на выдающихся деятелей, блистательных полководцев.

На пороге нового, XIX века А. Н. Радищев писал, что восемнадцатое столетие было «безумно и мудро». Оно было мудро, потому что зародившиеся во Франции идеи просвещения проникали и в русскую жизнь, расшатывая понятие сословности, возвышая человеческую личность, срывая божественный ореол с власти царя. Мудро, потому что вторая половина столетия — время Державина — было временем

крутого национального подъема, взлета народных сил. Россия тогда как бы пожинала плоды петровских преобразований. Развивалась промышленность, в частности выплавка чугуна и железа. Росли наука и просвещение, крепла литература, уже просияла звезда Ломоносова. Оказывали свое влияние на русские умы и успехи европейского естествознания. В оде «Осмнадцатое столетие» Радищев отмечал, что оно исчислило, «как пастырь играющих агнцов», небесные светила, «заключило в ярем» «летучи пары», «молнью небесну сманило во узы железны на землю и на воздушных крылах смертных на небо взнесло». Еще долго в глазах русских людей последующих поколений XVIII век представал как почти сказочное, баснословное время, время богатырей, «доисторических гигантов, ломавших подковы».

Восторженным певцом своей эпохи и вместе с тем грозным ее судией был Гаврила Романович Державин.

Он родился в июле 1743 года под Казанью в весьма небогатой, вернее сказать, бедной дворянской семье. Отец его был офицером, всю жизнь служившим в глухих гарнизонах. Служба его началась при Петре, с рядового чина, кончил он ее полковником. Он владел незначительным клочком земли с десятью душами крестьян, вечно судился с соседями из-за покосов и пашен; еще пятьдесят душ крепостных получил он от жены, Феклы Андреевны, в приданое. Настоящего домашнего воспитания, как это было принято у дворян, родители дать Гавриле Романовичу не могли. Полуграмотная Фекла Андреевна побуждала сына, с четырех лет выучившегося читать, затверживать церковные книги; занимались с мальчиком на первых порах церковные причетники, потом, в Оренбурге, жестокий и невежественный ссыльный немец Розе (он учил Державина немецкому языку); арифметику и геометрию, обязательные для дворянских недорослей, препода-



вали ему «служивые» из отцовского полка. В 1757 году отец повез сына в столицу, в Петербург, и пытался там поместить его в привилегированное и модное дворянское учебное заведение — Шляхетный кадетский корпус, но за отсутствием связей и средств попытка эта кончилась неудачей. Через год, когда Державину было четырнадцать лет, отец умер. Приложив всю свою энергию, мать устроила первенца-сына в только что открывшуюся в Казани гимназию. Учился Державин хорошо, особенно отличаясь в рисовании. Директор гимназии, впоследствии драматург и переводчик Михаил Иванович Веревкин, будучи воспитанником Шляхетного корпуса, откуда вышло немало писателей, старался привить ученикам любовь к литературе, завел в гимназии представления популярных в ту пору трагедий Сумарокова и комедий Мольера. Казанская гимназия находилась в ведении Московского университета, и в 1760 году Веревкин поехал с докладом к куратору университета, влиятельнейшему вельможе графу Ивану Ивановичу Шувалову, в Петербург. Веревкин взял с собой, чтобы показать Шувалову, начерченные гимназистами карты Казанской губернии с различными украшениями в виде фигур и ландшафтов. Карта, исполненная Державиным, так понравилась Шувалову, что он распорядился записать Державина младшим чином в инженерный корпус, с тем чтобы юноша явился туда по окончании гимназии.

Но жизнь Державина скоро резко изменилась, и окончить гимназию ему не пришлось. Оказалось, что Державин, то ли по недоразумению, то ли по забывчивости, не был записан с малолетства, как этого требовал закон Петра, в воинскую службу и теперь должен был отбывать ее солдатом. Неожиданно его затребовали в Петербург, в гвардейский Преображенский полк. Веревкина в гимназии к тому времени уже не было, охотников хлопотать за Державина не нашлось, а сам

он, по-видимому, рвался из казанской глуши в столицу. В поданном гимназическому начальству прошении он писал: «Ныне склонность моя и лета далее не дозволяют быть при оной гимназии, а желаю вступить в действительную службу».

И вот бравый, широкоплечий юноша — в Петербурге, одет в солдатский мундир, помещен в тесной казарме, несет все обязанности рядового вместе с солдатами из крестьян, часто жившими в казармах со своими детьми и женами. Он исполняет всякую черную работу: чистит каналы, убирает снег, возит провиант. Как-то раз в Москве, куда Державин ездил со своим полком, сопровождая императрицу, он чуть было не замерз, стоя в стужу и метель на карауле у дворца. В другой раз он доставлял глухой ночью спешный приказ, завяз в огромных сугробах на Пресне и едва не был растерзан собаками.

В свободную минуту Державин старается читать и пишет стихи «без всяких правил», то воспевая некую солдатскую дочку Наташу, то перелагая на рифмы «площадные прибаски насчет каждого гвардейского полка». Приноравливаясь к народному говору, сочиняет письма для неграмотных однополчан, адресованные на родину, а то и любезной в столице.

Характер у Державина, как и у его отца, самый несдержанный, бешеный. Позднее, когда его произвели в унтер-офицеры, он пристрастился к карточной игре, знавал даже трактирных шулеров, проигрывался и в такие дни, как он сообщал впоследствии в своих «Записках», «ел хлеб с водой и марал стихи при слабом свете полушечной сальной свечи».

Из его стихов той поры до нас дошло очень немного. Однажды, когда Державин ехал из Москвы в Петербург, в связи с эпидемией чумы его задержали на карантинной заставе, где полагалось жить две недели. Так как главным препят-

ствием для дальнейшего продвижения был багаж, состоявший из одного сундучка с рукописями, то нетерпеливый Державин на глазах караульных сжег этот сундук, в котором сгорели и его переводы из немецких поэтов, и все оригинальные опыты. Стихам своим в ту пору Державин не придавал значения.

Державин успел прослужить в гвардии всего три месяца с небольшим, как в столице произошел государственный переворот. В результате заговора был убит император Петр Третий, российским престолом овладела его жена, Екатерина Вторая. В этих событиях, разыгравшихся в конце июля 1762 года, пришлось участвовать и Державину. Вместе с Преображенским полком он ходил захватывать резиденцию Петра Третьего — Петергоф, присутствовал на коронационных торжествах в Москве. И хотя многих участников переворота осыпали милостями и наградами, Державин остался совершенно обойденным. Унтер-офицерский чин он получил лишь в результате того, что в годовщину переворота обратился лично к графу Алексею Орлову, одному из ближайших к императрице вельмож. А чин прапорщика — первый офицерский чин — Державину был пожалован лишь в январе 1772 года, через десять лет после вступления его в полк. Его долго не хотели производить в офицеры гвардии «за бедностью»: положение офицера в ту эпоху требовало больших средств и расходов. Честолюбивый Державин хорошо это сознавал и потому искал случая как-то выделиться, обратить на себя внимание.

Когда до Петербурга дошли известия о вспыхнувшем и все ширившемся восстании Пугачева, Державин добился назначения его в команду к генералу Бибикову, возглавлявшему правительственные войска против повстанцев. Почти три года провел Державин в краю, где полыхало пламя кре-

стьянской войны. Он участвует в стычках, выполняет опаснейшие поручения, дважды едва не попадает в плен к самому Пугачеву. Причины восстания Державин видит лишь в произволе властей, в пренебрежении их к законам, в лихоимстве. Истинных классовых корней этой кровавой борьбы он, как и большинство тогдашних дворян, разглядеть не желает.

Писать стихи Державину теперь нет времени, но когда его направили с батареей в немецкие колонии близ Саратова, чтобы преградить тут дорогу Пугачеву, он воспользовался передышкой и вспомнил о былом своем увлечении. Можно сказать, что стоянка на холме Читалагай, где тогда окопался Державин с батареей, стала местом рождения его поэзии. Державин создал здесь несколько значительных од и в 1776 году напечатал их отдельной книжкой, правда без обозначения своего имени. В книжке, называвшейся «Оды, переведенные и сочиненные при горе Читалагае», были уже самобытные страницы, обещавшие будущего Державина, а некоторые замечательные строфы входившей в книжку «Оды на знатность» Державин через много лет перенесет в другое, зрелое свое произведение — в оду «Вельможа». Книжка прошла в литературной среде незамеченной, тридцатитрехлетний автор по-прежнему смотрит на свои стихи как на забаву и услаждение досуга. Шпага офицера в его глазах куда важнее пера стихотворца. Свое будущее он видит пока только в военной и государственной службе.

Возвратившись после подавления восстания Пугачева в Петербург, Державин ожидал наград и поощрений. Но тут ему помешал его горячий и прямой нрав. Еще на Волге он поссорился с вновь назначенным, после умершего Бибикова, главнокомандующим графом Петром Паниным, который в ярости грозил повесить Державина вместе с Пугачевым, и Державин не только не дождался наград, но был признан не-

достойным для продолжения военной службы и, вопреки своему желанию, «выпущен в статскую». Горькую для гвардейца пилюлю позолотили, дав ему имение в Белоруссии с тремястами крестьян и чин коллежского советника.

Уязвленный Державин не мог успокоиться: то врывался с настойчивыми просьбами в приемную к могущественному временщику Потемкину, то искал знакомств «между знатными людьми» и в конце концов при содействии генерал-прокурора князя Вяземского — впоследствии ярого гонителя Державина — получил место экзекутора в Сенате, должность довольно видную. Так началась деятельность Державина на гражданском поприще. В ту пору он женится. Юная жена его, Екатерина Яковлевна Бастидон, «Пленира» его стихов, была дочерью португальца, камердинера Петра Третьего, и кормилицы великого князя Павла Петровича, будущего императора.

Завязываются у Державина и литературные знакомства. Он входит в кружок образованных писателей — Н. А. Львова, И. И. Хемницера и В. В. Капниста, многому учится у них. Если раньше он писал «без всяких правил», хотя и отнюдь не был невеждой в литературе, то теперь усердно штудирует труды теоретиков французского классицизма Буало, Баттё, читает Горация и других античных поэтов. Не называя себя, анонимно Державин начинает печататься в петербургских журналах. В 1779 году — этот год Державин считал в своем творчестве переломным, определяющим — были опубликованы такие истинно державинские произведения, как «На смерть князя Мещерского», «Ключ», «Стихи на рождение в Севере порфирородного отрока».

Знакомясь со стихами нового поэта, читатель того времени ощущал в них что-то небывалое, совсем неожиданное. Ни Ломоносов, ни Сумароков — никто из прежних поэтов,

составивших целую школу, которую мы называем русским классицизмом, не соединял с такой смелостью, не ставил рядом просторечие, слова «низкого штиля», со словами высокими, отзывающими церковнославянским «парением» и торжественностью; никто с такой яркостью и силой не рисовал в стихах ни себя, ни своих знакомцев, ни окружающую обстановку. В стихах классицистов все было регламентировано, все определялось взятым поэтическим жанром: ода, с ее важными, высокими темами, требовала высокой лексики, торжественного тона; в басне можно было употреблять, в соответствии с разработанной Ломоносовым теорией «трех штилей», слова грубые, низкие. Поэт, как правило, ставил себе задачей раскрыть в стихах отвлеченное понятие (доблесть, общественное благо, мудрость, любовь), и вся система применяемых им образов, подчиненная этой задаче, не давала и не могла дать читателю картины живой, полнокровной жизни. Поэт как бы не снисходил, не опускался до простого живописания действительности, до рассказа о ней как таковой. Вне повода для воплощения своей отвлеченной темы факты жизни его словно бы и не интересовали.

Державин решительно встал на иной путь. Сохраняя оду как жанр и не освободившись целиком от традиционных условностей, он насыщал эту оду новым по своему характеру содержанием. Державин брал и описывал факт и за ним живую жизнь во всей ее пестроте и противоречиях, описывал прямо, открыто, не так уж часто прибегая к умозрительным аллегориям. Факт он сделал предметом поэзии. Он нарушил каноны классицизма, когда, рассказывая о кончине князя Мещерского, не ограничился философическими рассуждениями о смерти, но пригоршнями рассыпа́л интимные признания относительно своих вкусов, своего возраста, исповедовался в своем частном, присущем только ему, а не освящен-

ном общепринятым мнением, взгляде на скоротечный удел человека, на то, как ему лучше прожить свой век. В стихах «На рождение в Севере порфирородного отрока», где, будто некая песенка, звучит вместо принятого в хвалебных одах ямба четырехстопный хорей, лишь условно, отталкиваясь от поэтики классицистов, Державин привлекает образы Борея, нимф и сатиров. Сатиры, греющие руки «у огней», — это русские крестьяне, раскладывающие костры, а Борей — только олицетворение морозной русской зимы, которая никем еще не была воспета в прежней поэзии так свежо и сильно, как здесь Державиным.

Огромный успех, обеспечивший Державину широкую известность, обрела его ода «Фелица», написанная в 1782 году. Под видом царевны «Киргиз-Кайсацкия орды» Фелицы поэт вывел императрицу Екатерину, которая, ознакомясь с одой, не замедлила его наградить и дать ему личную аудиенцию. Острые сатирические зарисовки придворных вельмож, содержавшиеся в оде (что было немыслимо у прежних поэтов-одописцев) и, по-видимому из осторожности, сведенные в собирательный образ автора — «мурзы», заставляли Державина не менее года держать свое произведение в письменном столе, но эти нападки поэта на ее сановников царица сочла для себя выгодными. Сам Державин нажил при этом немало врагов. Зато поэзия несказанно обогатилась. «Фелица» была уже почти и не одой в прежнем смысле, а новым, небывалым до того сплавом патетики, лирики, поучений, сатиры, бытописи. Там была своя светотень, свои полутона, явная и скрытая ирония, прямые сарказмы. Державин назвал потом найденный им стиль «забавным русским слогом», потому что этой свободной манере вторжения поэзии в жизнь тогда еще не было и определения.

Как это видно сразу, «Фелица» Державина содержит много

хвалебных строф и самых горячих комплиментов императрице. Поэт очень искренний, Державин едва ли писал их только с расчетом на успех. Он и в самом деле смотрел на Екатерину восторженными глазами — до той поры, пока не узнал ее ближе. А царский трон, абсолютная царская власть, как и подавляющему большинству дворян в тогдашней России, ему казалась непреложно необходимой, естественной. Даже передовые умы того времени возлагали лучшие свои надежды на «просвещенного» государя. Из всех русских писателей XVIII века лишь Радищев в конце 80-х годов пришел к выводу о противоестественности «самодержавства» и необходимости его свержения. Но, признавая царскую власть, Державин предъявляет монархам свои требования, в которых отозвался дух просвещения, вольнолюбивые веяния французской философии. «Будь страстей своих владетель, будь на троне человек!» — писал он еще до появления «Фелицы». А рисуя в «Фелице» Екатерину просвещенной «матерью отечества», неустанно радеющей о благе подданных, свято соблюдающей законы, умной и простой в быту и привычках, Державин пытался создать идеальный образ монарха. В стихотворении «Властителям и судиям», написанном тоже до «Фелицы», он с удивительным пафосом грозил монархам — «земным богам» — всяческими небесными карами и потрясениями царства, заклиная их блюсти законы, быть праведными, человечными и милостивыми.

Давать в своих одах уроки и наставления царям — даже под видом непомерных похвал — в этом отношении Державин шел по следам Ломоносова. Но при всей красоте и пышности многих его страниц у Ломоносова не было и попытки стать в своих стихах с монархом как бы на равную ногу, рассуждать о высоких материях вполне непринужденно, раскованно, с лукавой улыбкой, с почти домашним бала-

гурством, простым разговорным тоном, как позволял себе Державин. Это особенно бесило чопорных русских сановников, смотревших на худородного и бедного казанского дворянина свысока.

Но ни демократическая натура Державина, ни его опыт, приобретенный на фронте крестьянской войны, ни глубокое его чувство чести и справедливости не привели, однако, поэта к тому, чтобы усомниться в правомерности социальных порядков в России. Он крепко держался за дворянские привилегии, в принципе почитая благородное сословие, и нимало не сомневался в необходимости крепостного права. В стихах он не раз обозначает дворовых людей словом «рабы», не выказывая при этом никаких эмоций. Пугачев для него — злодей, деятели буржуазной французской революции, возглавившие борьбу народа с феодальным режимом, — безумцы и фанатики, социальное равенство людей — немыслимая химера. Субъективно он был верным слугой трона, бунтуя лишь против злоупотреблений, беззакония, против надутых и часто тупых и до преступности порочных вельмож, страстно требуя того, чтобы, оценивая человека, смотрели прежде всего не на его род и происхождение, а на заслуги, на дела и личные достоинства.

Среди сановников, высмеянных Державиным в «Фелице», был и его прямой начальник по службе князь Вяземский. Строфа оды, начинающаяся строкой «Иль сидя дома я прокажу, играя в дураки с женой», метила в него. Неудивительно, что Державин скоро был вынужден подать в отставку. Екатерина, не дававшая, по словам Державина, «задушить» его, хотя открыто не защищала и не вступалась за него, произвела поэта при увольнении со службы в следующий чин действительного статского советника, что равнялось чину генерала. А скоро он был услан подальше от сто-

лицы, получив назначение губернатором в глухую Олонецкую губернию. То водой, то сушей, порой при полном бездорожье, Державин объездил весь Север. Однажды, во время плавания по Белому морю, поднявшаяся буря грозила ему смертью. Побывал губернатор и на реке Суне, в Карелии, у водопада Кивач, который он воспел позднее в оде «Водопад». Он проявлял кипучую энергию. Ревностно вникая во все дела, наводил порядки в судах, возмущался повсеместным нарушением законов, волокитой и преступным бездушием властей в губернии. Прослужил он там очень недолго. Пылкий и крутой, он не поладил с олонецким и архангельским наместником Тутомлиным и был переведен, снова губернатором, в Тамбов. Здесь он пробыл дольше, почти два года, стал открывать в губернии школы, завел при помощи известного просветителя Н. И. Новико́ва типографию, создал первую местную газету, театр, еженедельно устраивал в своем доме концерты. Понятно, что губернатор, так пекущийся о делах, о благе подчиненных и разрешавший «доступ к себе во все часы для людей всех состояний», был среди царских бюрократов белой вороной и вызывал у них самые недоброжелательные чувства. Жизнь Державина в Тамбове кончилась катастрофой: по донесениям его нового начальника, наместника Гудовича, он был отрешен от должности и отдан под суд. На старости лет Державин отмечал в своих «Записках», что его служебная деятельность изобиловала «частыми, скорыми и неожиданными переменами фортуны», а в стихах он писал о себе: «Горяч и в правде черт». На этот раз Державина обвиняли в превышении власти, и хотя Сенат его оправдал, после тамбовского губернаторства он около двух с половиной лет находился не у дел.

В декабре 1791 года Екатерина предложила Державину

стать ее личным секретарем при принятии прошений. Державин оказался лицом к лицу с восторженно воспетой им императрицей. Его честолюбие и жажда честной и эффективной деятельности, казалось бы, должны быть удовлетворены. Но и тут, можно сказать, нашла коса на камень. Принося в кабинет императрицы целые кипы бумаг, Державин досаждал ей резкими и настойчивыми требованиями справедливого решения дел. Та отмахивалась от них, гневалась. «Лицо пылает, скулы трясутся», — описывал ее Державин при таких столкновениях. Однажды она «вспыхнула, закраснелась и закричала: «Поди вон!» А в другой раз Державин, истощив свое терпение, схватил императрицу за край мантильи, и той пришлось кликнуть из соседней комнаты придворного, говоря ему: «Этот господин, мне кажется, меня прибить хочет».

Неприглядная изнанка придворной жизни и осуществляемая на глазах Державина политика императрицы, действовавшей только «по своим видам», внушили Державину глубокое разочарование. Прославлять Екатерину он более не мог, несмотря на ее прозрачные намеки и просьбы. Даже пытался, запершись дома по неделе, выжать что-то пристойное, но все выходило «холодное, натянутое и обыкновенное, как у прочих цеховых стихотворцев». «Не мог он воспламенить так своего духа, — рассказывал о себе Державин в «Записках», — чтобы поддерживать свой высокий прежний идеал, когда вблизи увидел подлинник человеческий с великими слабостями». Приятель Державина Храповицкий, тоже состоявший секретарем при Екатерине, уговаривал его потрафить императрице своей лирой, но неподкупный Державин отвечал ему в стихотворном послании: «Богов певец не будет никогда подлец».

От прямодушного и беспокойного секретаря императри-

ца избавилась осенью 1793 года, отослав его служить в Сенат. Все тогда понимали, что это была почетная опала. Павел Первый, вступивший на трон после смерти Екатерины в 1796 году, надумал сделать его правителем канцелярии Государственного совета, но Державин был оскорблен таким назначением и в споре с императором употребил столь бранный эпитет, что «за непристойный ответ» Павел отправил его обратно в Сенат. Впоследствии отношения Державина с Павлом восстановились, а при Александре Первом Державин занял даже пост министра юстиции. Но тут, в 1803 году, по существу и оборвалась его административная карьера. Молодой царь все холоднее смотрел на своего министра, а министр все спорил с ним. Слушая один из докладов Державина, царь сказал: «Ты меня всегда хочешь учить, я самодержавный государь и так хочу». И на вопрос Державина при вынужденном уходе в отставку, в чем же он провинился, Александр не без сарказма ответил: «Ты очень ревностно служишь».

Уже в павловское царствование Державин почувствовал тщету своих усилий на служебном поприще, хотя он и гордился тем, что, как писал сам, «без всякой подпоры и покровительства, начав со звания рядового солдата и отправляя чрез двенадцать лет самые низшие должности, дошел сам собой до самых высочайших». Теперь он все реже берется за перо сатирика и гражданственного поэта. Померк в его сознании некогда лучезарный образ Екатерины, хотя он и тоскует, вспоминая размах дел во время ее правления. Наступало разочарование в возможности придать верховной власти в России форму просвещенного абсолютизма, искоренить общественное зло, исправить нравы. Усердная верность Державина интересам отечества, общему благу, верность «дочери богов» — правде, как поэт ее понимал, была не вознаграждена. И, обращаясь к правде, он писал:

Но вижу, неба дщерь прекрасна,
Что верность та моя напрасна:
С тобой я в чистых дураках!

Державин всегда смотрел на поэтическое слово как на орудие борьбы, стремился влиять им на ход жизни. Но не меньшее значение, чем стихам, придавал он и своей практической государственной деятельности. Теперь, уволенный от государственных дел, он по-новому взглянул на свой вклад в русскую поэзию, осознал его огромную весомость. Он понял, что его поэзия стала общественной силой; читатели им восхищались, считая поэтом образцовым, великим, литераторы чтили, недруги боялись его пера. «Его стихи рвут из рук, — писал о Державине 80 — 90-х годов историк русской литературы Г. Гуковский, — их переписывают в заветные тетради, они не нуждаются даже в печати, их и без того знают наизусть все; они злоба дня, они попадают не в салон и не в школу, а на улицу; их читают не в тиши кабинетов, а на общественных гуляньях, за многолюдным обедом, в гостиной, в передней, в дворцовом аванзале, в офицерской кордегардии, в семинарском рекреационном зале, на веселой пирушке. . . Всякому интересно заглянуть в стихи, где продернут известный вельможа, где остро говорится о политике, где автор высказывается о вчерашнем событии».

С удивительной творческой энергией Державин продолжал трудиться и на склоне лет, до самой кончины. Женившись в 1795 году, после смерти «Плениры», вторично, он проводил лето в живописной местности на Волхове, в купленном им имении Званке, а зимами жил в Петербурге. Здесь, на Фонтанке, у него был и поныне сохранившийся дом, в котором нередко устраивались литературные собрания. Еще на его глазах развернулась вся эпопея Отечественной войны

1812 года, на которую он откликнулся не одним стихотворением. В ночь с 8 на 9 июля 1816 года, семидесяти трех лет, он умер в Званке.

«С Державина начинается новый период русской поэзии, — писал Белинский, — и как Ломоносов был первым ее именем, так Державин был вторым. В лице Державина поэзия русская сделала великий шаг вперед».

Сближение поэзии с жизнью — вот главное, чего достиг и что закрепил в своем творчестве Державин. В его стихи широким потоком вошла реальная русская действительность, которую прежде поэты рисовали слишком отвлеченно, слишком односторонне. Перестройка классицистских жанров, то перемещение и новое сочетание их элементов, которое Державин произвел, позволили ему сделать из оды сюжетное произведение, вбиравшее в себя жизнь во всей ее пестроте и сложности, во всех ее красках и оттенках. Газетный факт оказался в стихах по соседству с философским афоризмом, патетический взлет и «парение» в ломоносовском духе с описанием кушаний на обеденном столе. Поэт уже не сочинял почти по трафарету дежурных, «служебных» од на какой-то торжественный случай, а определял тему, компоновал материал, выбирал краски по собственному замыслу.

В стихах Державина впервые в России появились образы конкретных живых людей — не обесцвеченных носителей тех или иных свойств, качеств, пороков, добродетелей, а образы, выхваченные прямо из жизни, — с мясом и кровью, в своих противоречиях, движении, борьбе, во всех своих социальных связях, с приметами быта. Уже в «Фелице», под личиной «мурзы», выступают во всей своей натуре екатерининские вельможи и царедворцы. Здесь и всесильный Потемкин с его причудами и роскошеством («А я, проспавши

до полудни, курю табак и кофе пью»), и любитель лошадей, кулачных боев и хорового пения Алексей Орлов, и егермейстер Нарышкин («... о всех делах заботу оставя, езжу на охоту»). Не раз возвращается к ним Державин. В «Вельможе» под «вторым Сарданапалом», в передней которого, теснясь, томятся просители — «израненный герой, как лунь во бранях поседевший», и вдова «с грудным младенцем на руках», и «старый воин тот, тремя медальми украшенный», — вновь выведен Потемкин; размышлениям о судьбе и смерти Потемкина, о всепожирающей силе времени посвящен и «Водопад», который Пушкин считал лучшим произведением Державина. А образы полководцев Румянцева и Суворова, столь любимых поэтом! Суворов, «вождь бурь полночного народа», стал поистине героем поэзии Державина. Он ощущал в Суворове его демократическую жилку, его чувство собственного достоинства, его беспредельный патриотизм и воспевал полководца и в дни его триумфов и в годы опалы. Как свеж и необыкновенен, самобытен по ритмам, по точному и скупому отбору деталей державинский «Снигирь», — стихи на смерть Суворова!

Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари;
В стуже и в зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари...

Не только вельможи и полководцы присутствуют в произведениях Державина. Мы встречаем у него и с беспощадным сарказмом описанного откупщика, и полкового попа, однофамильца автора, и казачьего атамана Платова, и деревенских девушек, и барышень-дворянок, и цыганку из Марьиной рощи, и множество персонажей в «Жизни Званской», хотя

бы того же сельского старосту «с улыбкой часто плутоватой». И с великой страстью, с неизменным восторгом поэт рисовал собирательный образ русского солдата — Росса, как он по старинке, возвышенно его называл. Военно-патриотическая тема у Державина — одна из важнейших. Стихи Державина на победы русского оружия, которыми так богато было его время, звучат подобно грозной и торжествующей трубе. Эти военные оды — такие, например, как «На взятие Измаила», «На переход Альпийских гор», — ближе всего в державинском творчестве к традициям Ломоносова. Но, создав образцы грандиозной батальной живописи, воспев «трехгранный русский штык», он прибегал не только к одним гиперболическим образам и метафорам, а частично и к реалистическим описаниям. На русский народ и на Россию он смотрел как на могущественную, непобедимую силу, как на диво всего света. Отсюда и эта размашистая, плавно-величавая, богатырская мелодия в военной его песне «Заздравный орел»:

По северу, по югу
С Москвы орел парит;
Всему земному кругу
Полет его звучит.

О! исполать, ребяты,
Вам, русские солдаты!
Что вы неустрашимы,
Никем непобедимы:
За здравье ваше пьем.

Державин принадлежит к тем поэтам, читая которых можно ощутить и увидеть личность автора, ничего не зная об обстоятельствах его жизни. Именно вторжение личности поэ-

та, его авторского «я» в стихи, в поэзию пришло в нашу литературу с Державиным. До его произведений лишь изредка можно было смутно почувствовать, что́ за человек автор, каков его характер, пристрастия, какова его жизнь. Державин в своих стихах — весь нараспашку, он как бы верит в читателя и исповедуется перед ним. «Державин женился, — пишет Г. Гуковский, — и мы узнаем это в стихах, которые хотя и похожи на обычные любовные стихи XVIII века, но воспринимаются иначе, потому что в них не небывалый нигде, воображаемый лирический герой счастлив отвлеченной и на самом деле, может быть, несуществующей любовью, а молодой чиновник Гаврила Романович Державин, влюбленный и счастливый жених Екатерины Яковлевны Бастидон, будущей «Плениры»... Державин угнетен врагами, он смещен с губернаторства, отдан под суд — и об этом говорят читателю его стихи, и тут герой, оклеветанный правдолюбец, — это все тот же Гаврила Романович, тот самый, который женился и потом овдовел. От стихотворения к стихотворению перекидывается мост; все они — это жизнь и творчество Державина».

Такое лирическое самораскрытие поэта было громадным художественным завоеванием. Оно дало поэзии еще один выход в реальность и особую возможность воздействия на читателя. Нельзя себе представить последующую историю русской поэзии — от Пушкина и Лермонтова, Некрасова и Блока до поэтов наших дней, — если бы она была лишена этой своей грани, открытой в XVIII столетии.

Другим открытием и нововведением Державина в поэзии был истинно русский пейзаж. Пейзаж у Державина не условный, а с характерными чертами и признаками, заставляющими читателя радостно узнать многажды виденное, родное. Этот пейзаж Державин тонко чувствует и мастерски передает

в стихе. Державин — первый по времени среди чудесных пейзажистов, которыми богата русская поэзия.

Вот как, будто на бледноватом и смутном полувыцветшем гобелене, рисовалась весна в стихах поэтов-классицистов, в частности у Сумарокова:

> Распустилися деревья, на лугах цветы цветут,
> Веют тихие зефиры, с гор ключи в долины бьют,
> Воспевают сладки песни птички в рощах на кустах,
> А пастух в свирель играет, сидя при речных струях.

Державин же воспринимает цвет, звук, форму, самую материальность мира с беспримерной по тем временам остротой. Он передает явления природы всегда в движении, динамике. Он видит, как «бежит под черной тучей тень по ко́пнам, по снопам, коврам желто-зеленым», как трепещет «сребро» лещами, как «алмазна сыплется гора» водопада, на темно-голубом эфире у него плавает «златая луна», крик журавлей в поднебесье он уподобляет звукам валторн. Согласуя звук и зрительный образ, он в стремительном темпе воссоздает весеннюю грозу:

> Сверкнул, взревел, ударил гром;
> И своды потряслися звездны;
> Стократно отгласились бездны,
> Гул восшумел, и дождь, и град,
> Простерся синий дым полетом,
> Дуб вспыхнул, холм стал водометом,
> И капли радугой блестят.

Чудом пейзажной живописи в слове является и державинская «Осень во время осады Очакова». Это стихотворение — вместе с «Осенью» молодого Карамзина — можно считать зачином к теме осени, так прекрасно развитой в дальней-

шем в русской поэзии. Державинская осень — прямое предвестие пушкинских осенних и зимних пейзажей в «Евгении Онегине». Даже державинские «голодны волки» из «Осени во время осады Очакова» вошли в известную строфу Пушкина: «Встает заря во мгле холодной». Куда-то в глушь, под хмурое небо переносят нас державинские строки:

Уже стада толпятся птичьи,
Ковыль сребрится по степям;
Шумящи красно-желты листьи
Расстлались всюду по тропам.

В опушке заяц быстроногий,
Как колпик поседев, лежит;
Ловецки раздаются роги,
И выжлиц лай и гул гремит.
Запасшися крестьянин хлебом,
Ест добры щи и пиво пьет...

Таких близких натуре пейзажных описаний русская поэзия раньше не знала. В одной своей статье Белинский говорил о большой поэтической смелости Державина, который «вопреки всем понятиям того времени о благородной и украшенной природе в искусстве» дерзнул написать о зайцах, о медведях, о русском мужике, «дерзнул назвать зиму седою чародейкой, которая машет косматым рукавом».

Природа у Державина бодра и целительна, его пейзажи обнаруживают глубокое жизнелюбие поэта.

Благодаря сочетанию слов разного регистра, «высоких» и «низких», Державин открыл возможность построения художественного образа самых грандиозных масштабов. В оде «На возвращение графа Зубова из Персии», например, Державин первым из русских поэтов рисует Кавказ (он не бывал

там и, вероятно, пользовался лишь рассказами очевидцев) и рисует такими стремительными и размашистыми чертами, что взор читателя должен мгновенно лететь от заоблачных вечных снегов куда-то ярусом ниже, к фигуркам серн, которые — с чудовищной высоты, —

вниз склонив рога,
Зрят в мгле спокойно под собою
Рожденье молний и громов.

«Гиперболический размах» речи Державина отмечал Гоголь, добавляя: «Слог у него так крупен, как ни у кого из наших поэтов». А Юрий Тынянов в 1924 году писал, что грандиозный образ в поэзии, «где-то утерянный со времен Державина», возобновил Маяковский.

Вслед за Горацием Державин называл поэзию «говорящей живописью». Великолепие красок, какими блещет почти каждое его стихотворение, редкостные по силе для всей мировой поэзии и напоминающие старинных нидерландских мастеров кисти изумительные натюрморты в «Приглашении к обеду», в «Жизни Званской» как бы становились в один ряд с достижениями русской живописи XVIII века, с портретными полотнами Аргунова, Рокотова, Левицкого, Боровиковского. Недаром портрет Екатерины работы Левицкого Державин воспроизвел средствами слова в «Видении мурзы». И недаром он, в бытность преображенским солдатом, стоял на карауле в дворцовых императорских залах, где в изобилии были собраны произведения искусства. Подбирая цветовой эпитет и часто не удовлетворяясь единым термином, Державин находит эпитеты составные: «краезлатые» облака, «сребророзова светлица», «белорумяные персты», «лазурно-сизо-бирюзовы» перья павлина, «голубо-сизый, солнцеокой» осетр. Отвлеченную мысль он умеет выразить в чувствен-

ном, материальном образе: «И смерть к нам смотрит чрез забор»; Екатерина пишет указ, дает «милости» народу: «Златая бы струя бежала за скоропишущим пером»; державинскому соседу-богачу угрожает старость: «Когда твои ланиты тучны престанут грации трепать». С задорной лихостью простонародного раешника пишет он об ослах-вельможах: «Где должно действовать умом, он только хлопает ушами», о нравах при дворе: «Бегу, нос вздернув, к кабинету и в грош не ставлю никого», «Бояра понадули пузы, и я у всех стал виноват».

Заботясь об изобразительной силе своих стихов, Державин придавал большое значение и звуковой, фонетической их окраске, живописи звуком. Он писал, что нарисованная в стихах картина должна быть «согласна» с музыкою — «грохочет ли гром, журчит ли источник, бушует ли лес, смеется ли роща». В своих стихах он то нагнетает резкие, диссонирующие звуки — «рев крав, гром жолн и коней ржанье», — то, добиваясь мягкости, переливчатости звучания, пишет целые стихотворения (например, «Соловей»), ни разу не употребив буквы «р». Однако стилистическая пестрота русского литературного языка XVIII столетия сильно давала себя знать в стихах Державина. Наряду с удивительными языковыми находками мы встречаем в них по-старинному риторичные, тяжеловесные, громоздкие строфы, усложненные инверсии, что дало Пушкину повод сказать однажды, что кумир Державина на одну четверть золотой, а на три четверти свинцовый. Проникая к золотоносным жилам поэзии Державина, современному читателю приходится мириться и со старинною лексикой, широко применяемой Державиным: «тать», «персть», «сонм», «лики», «купно», «позор». Последнее слово, означающее «зрелище», употреблено даже Пушкиным в «Руслане и Людмиле», в 1820 году. При этом нельзя не заметить, как мно-

го в языке Державина от разговорного затрапеза, сколько в нем чисто фольклорных, народных вкраплений. Человек, далекий от аристократических салонов, он не помышляет навести на свою речь лоск, стереть ее индивидуальные черты. Он пишет «пужать» и «пущать» вместо «пугать» и «пускать», отбрасывает окончание «ся» в возвратных причастиях («по развевающим знаменам»), не склоняет в родительном падеже слова на «мя» («Сын время, случая, судьбины»), употребляет простонародные «строжае», «громчай». При чтении державинских стихов надо учитывать и старинную, для нас архаическую, манеру огласовки многих слов, стоящих под рифмой. В таких рифмах, как «свет — чтет», «плен — влюблен», «восхищенна — преклоненна», «позлащенной — душевной», вместо произносимого нами в соответственных словах звука «ё», произносили тогда звук «е».

Свидетель важных исторических событий и перемен, Державин часто говорил в своих стихах о неверной и прихотливой фортуне, о хрупкости и ненадежности человеческого бытия, бренности всего существующего. Эта нота слышится у него и в стихах «На смерть князя Мещерского», и в «Водопаде», где как бы низвергается в бездну и слава Потемкина и «век Екатерины» вообще, и в последних замечательных двух строфах, написанных поэтом за три дня до кончины. Но еще с большей твердостью и силой звучит у Державина другая, оптимистическая нота, другая мысль — мысль о достоинстве человека, о его неиссякаемых возможностях как творца, о его уме и воле. Ведь человек, по Державину, способен «измерить океан глубокий, сочесть пески, лучи планет». В оде «Бог», так близкой по существу натурфилософским одам Ломоносова, Державин не столько славит господа, который у него почти равнозначен понятию природы, сколько именно человека. Человек — «черта начальна бо-

жества». В каждом из людей — частица бога «как солнце в малой капле вод».

Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю.

Эта по-своему диалектическая формула могла бы служить эпиграфом к книге о земных путях человека от каменного топора до расщепления атома. . .

Как великий поэт, Державин в своем творчестве часто был выше и шире того, что он намеревался провозгласить. «У Державина инде встречаются мысли столь глубокие, что приходишь в искушение спросить: понял ли сам он вполне то, что сказал», — изумлялся, читая оду «Бог», заключенный в крепости декабрист Вильгельм Кюхельбекер. Почти нет ничего дворянского, ничего сословного в человеческом идеале, воспетом Державиным. Гуманизм, глубокое внимание к человеку, к личности, выраженное в поэзии Державина, шло в одном русле с самыми прогрессивными веяниями его эпохи. Будто не у Державина, а у Пушкина или другого большого поэта XIX века читаешь такую строфу:

Я любил чистосердечье,
Думал нравиться лишь им,
Ум и сердце человечье
Были гением моим.

Рисуя человека своей родины в характерных его чертах, рисуя страну, Державин, при демократичности его духовного облика, самой силой вещей становился поэтом национальным. Стихи его «обращаются уже к людям всех сословий и должностей», — отмечал Гоголь. Белинский в «Литературных мечтаниях» писал о сатирических одах Державина, что «главное отличительное их свойство есть народность, состоя-

щая не в подборе мужицких слов или насильственной подделке под лад песен и сказок, но в сгибе ума русского, в русском образе взгляда на вещи. В сем отношении Державин народен в высочайшей степени». И Белинский же сказал, что патриотизм Державина «был его господствующим чувством».

До конца своих дней Державин был чрезвычайно чуток к новым явлениям в литературе. Когда всю Европу пленила поэзия вымышленного шотландского барда Оссиана, он не остался ей чужд и в оссиановском таинственно-романтическом духе живописал природу в «Водопаде». Приход в литературу Карамзина и сентименталистов, несмотря на его дружбу с архаистами и Шишковым, вызвал у Державина самые сердечные отзывы, а стихи молодого романтика Жуковского его восторгали. «Тебе в наследие, Жуковский, я ветху лиру отдаю», — писал он в одном своем стихотворном наброске. Да и сам он уже в 90-х годах создал около ста стихотворений в необычайном для него жанре. Это так называемые анакреонтические стихотворения, которыми в ту пору увлекались и другие поэты. Любовь и земные плотские радости были предметом восхваления в таких стихах, то переведенных из древнегреческого лирика Анакреона, то написанных в подражание ему. «Русский сгиб ума», русская закваска сильно чувствуется и в этих миниатюрах Державина. Иногда в них изображена действительно Древняя Греция, но чаще проглядывает или прямо рисуется Русь. Анакреонтика Державина хороша тяжеловатой своей грацией, своеобразным, присущим XVIII веку, духом язычества и тонким чувством античности. В «Анакреонтические песни», изданные Державиным в 1804 году, вошел и один из бесподобных его шедевров — «Русские девушки», где описан народный танец «бычок». А еще позднее, уже в начале XIX столетия, Держа-

вин написал и «Лебедя», и «Цыганскую пляску», и своеобразную повесть в стихах, которая называется «Евгению. Жизнь Званская». Это удивительная, мощная вещь; дух, композицию, стиль ее можно сопоставить лишь с картинами Брейгеля или поэмами Гомера.

«Бич вельмож» — лаконично определил поэтическую миссию Державина Пушкин. Обличительный пафос Державина, с такой силой, с такой искренностью обрушивающегося на несправедливость и кривду, на корысть и жестокость сильных мира сего, трогает читательское сердце и поныне. Надо было обладать огромным жаром души и смелостью, чтобы в годы, когда во Франции надвигалась и гремела гроза революции, приведшая короля на плаху, бросить в лицо владыкам на тронах эти дерзостные строки:

И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!

В 1795 году Екатерина назвала оду с этой строфой якобинской, чуть не отдав Державина в руки страшного кнутобойцы, начальника «тайной экспедиции» Шешковского.

Надо ли удивляться тому, что литературную деятельность Державина высоко ценил Радищев, пославший ему на дом, не будучи знаком с ним, свое «Путешествие из Петербурга в Москву». Тому, что в глазах декабристов Державин был олицетворением поэта-гражданина и поборника правды, что горячую оду ему посвятил в 1825 году Рылеев.

Державин положил начало слиянию двух струй, синтезу двух направлений в русской поэзии XVIII века — сатирического и утверждающего. Державин сеял зерна будущего, способствуя утверждению и романтизма и реализма, реализма

в особенности. Его творчество предопределило многие грани на карте русской литературы первых десятилетий XIX века. Он непосредственный предшественник Батюшкова и Жуковского, а благодаря творчеству этих поэтов — и предшественник Пушкина.

Всем нам памятно, как описывал Пушкин свою встречу с Державиным в Лицее на экзамене 8 января 1815 года:

«. . . Он был в мундире и в плисовых сапогах. Экзамен наш очень его утомил. Он сидел, подперши голову рукою. Лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвислы; портрет его (где представлен он в колпаке и халате) очень похож. Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен в русской словесности. Тут он оживился, глаза заблистали; он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живостию необыкновенной. Наконец вызвали меня. Я прочел мои «Воспоминания в Царском Селе», стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояния души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилось с упоительным восторгом. . . Не помню, как я кончил свое чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел меня обнять. . . Меня искали, но не нашли. . .»

«Скоро явится свету второй Державин: это Пушкин», — сказал спустя несколько дней после экзамена Аксакову Гаврила Романович.

А чтобы понять, как много значило в устах Державина его собственное имя, перечитайте его стихотворения «Лебедь» и «Памятник».

Николай Банников

СТИХОТВОРЕНИЯ



К ПЕРВОМУ СОСЕДУ

Кого роскошными пирами
На влажных Невских островах,
Между тенистыми древами,
На мураве и на цветах,
В шатрах персидских, златошвенных
Из глин китайских драгоценных,
Из венских чистых хрусталей,
Кого толь славно угощаешь
И для кого ты расточаешь
Сокровищи казны твоей?

Гремит музы́ка, слышны хоры
Вкруг лакомых твоих столов;
Сластей и ананасов горы
И множество других плодов
Прельщают чувствы и питают;
Младые девы угощают,
Подносят вина чередой,
И алиа́тико с шампанским,
И пиво русское с британским,
И мозель с зельцерской водой.

В вертепе мраморном, прохладном,
В котором льется водоскат,
На ложе роз благоуханном,
Средь лени, неги и отрад,
Любовью распаленный страстной,
С младой, веселою, прекрасной
И нежной нимфой ты сидишь;
Она поет, ты страстью таешь,
То с ней в веселье утопаешь,
То, утомлен весельем, спишь.

Ты спишь, — и сон тебе мечтает,
Что ввек благополучен ты,
Что само небо рассыпает
Блаженства вкруг тебя цветы;
Что парка дней твоих не косит,
Что откуп вновь тебе приносит
Сибирски горы серебра
И дождь златой к тебе лиется. —
Блажен, кто поутру проснется
Так счастливым, как был вчера!

Блажен, кто может веселиться
Бесперерывно в жизни сей!
Но редкому пловцу случится
Безбедно плавать средь морей:
Там бурны дышат непогоды,
Горам подобны гонят воды
И с пеною песок мутят.
Петрополь сосны осеняли, —
Но, вихрем пораженны, пали,
Теперь корнями вверх лежат.

Непостоянство — доля смертных,
В пременах вкуса счастье их;
Среди утех своих несметных
Желаем мы утех иных.
Придут, придут часы те скучны,
Когда твои ланиты тучны
Престанут грации трепать;
И, может быть, с тобой в разлуке
Твоя уж Пенелопа в скуке
Ковер не будет распускать.

Не будет, может быть, лелеять
Судьба уж более тебя
И ветр благоприятный веять
В твой парус: береги себя!
Доколь текут часы златые
И не приспели скорби злые,
Пей, ешь и веселись, сосед!
На свете жить нам время срочно;
Веселье то лишь непорочно,
Раскаянья за коим нет.

1780





ФЕЛИЦА

Богоподобная царевна
Киргиз-Кайсацкия орды!
Которой мудрость несравненна
Открыла верные следы
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоку гору,
Где роза без шипов растет,
Где добродетель обитает, —
Она мой дух и ум пленяет,
Подай найти ее совет.

Подай, Фелица! наставленье:
Как пышно и правдиво жить,
Как укрощать страстей волненье
И счастливым на свете быть?

Меня твой голос возбуждает,
Меня твой сын препровождает;
Но им последовать я слаб.
Мятясь житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотям я раб.

Мурзам твоим не подражая,
Почасту ходишь ты пешком,
И пища самая простая
Бывает за твоим столом;
Не дорожа твоим покоем,
Читаешь, пишешь пред налоем
И всем из твоего пера
Блаженство смертным проливаешь;
Подобно в карты не играешь,
Как я, от утра до утра.

Не слишком любишь маскарады,
А в клоб не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;
Коня парнасска не седлаешь,
К духа́м в собранье не въезжаешь,
Не ходишь с трона на Восток, —
Но, кротости ходя стезею,
Благотворящею душою
Полезных дней проводишь ток.

А я, проспавши до полудни,
Курю табак и кофе пью;
Преобращая в праздник будни,

Кружу в химерах мысль мою:
То плен от персов похищаю,
То стрелы к туркам обращаю;
То, возмечтав, что я султан,
Вселенну устрашаю взглядом;
То вдруг, прельщаяся нарядом,
Скачу к портному по кафтан.

Или в пиру я пребогатом,
Где праздник для меня дают,
Где блещет стол сребром и златом,
Где тысячи различных блюд;
Там славный окорок вестфальской,
Там звенья рыбы астраханской,
Там плов и пироги стоят;
Шампанским вафли запиваю
И всё на свете забываю
Средь вин, сластей и аромат.

Или средь рощицы прекрасной
В беседке, где фонтан шумит,
При звоне арфы сладкогласной,
Где ветерок едва дыши́т,
Где всё мне роскошь представляет,
К утехам мысли уловляет,
Томит и оживляет кровь;
На бархатном диване лежа,
Младой девицы чувства нежа,
Вливаю в сердце ей любовь.

Или великолепным цугом
В карете англинской, златой,

С собакой, шутом или другом,
Или с красавицей какой
Я под качелями гуляю;
В шинки пить меду заезжаю;
Или, как то наскучит мне,
По склонности моей к премене,
Имея шапку набекрене,
Лечу на резвом бегуне,

Или музы́кой и певцами,
Органом и волынкой вдруг,
Или кулачными бойцами
И пляской веселю мой дух;
Или, о всех делах заботу
Оставя, езжу на охоту
И забавляюсь лаем псов;
Или над невскими брегами
Я тешусь по ночам рогами
И греблей удалых гребцов.

Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя в дураки с женой;
То с ней на голубятню лажу,
То в жмурки резвимся порой;
То в свайку с нею веселюся,
То ею в голове ищуся;
То в книгах рыться я люблю,
Мой ум и сердце просвещаю,
Полкана и Бову читаю;
За библией, зевая, сплю.

Таков, Фелица, я развратен!
Но на меня весь свет похож.
Кто сколько мудростью ни знатен,
Но всякий человек есть ложь.
Не ходим света мы путями,
Бежим разврата за мечтами.
Между лентяем и брюзгой,
Между тщеславья и пороком
Нашел кто разве ненароком
Путь добродетели прямой.

Нашел, — но льзя ль не заблуждаться
Нам, слабым смертным, в сем пути,
Где сам рассудок спотыкаться
И должен вслед страстям идти;
Где нам ученые навежды,
Как мгла у путников, тмят вежды?
Везде соблазн и лесть живет;
Пашей всех роскошь угнетает.
Где ж добродетель обитает?
Где роза без шипов растет?

Тебе единой лишь пристойно,
Царевна! свет из тьмы творить;
Деля Хаос на сферы стройно,
Союзом целость их крепить;
Из разногласия согласье
И из страстей свирепых счастье
Ты можешь только созидать.
Так кормщик, через понт плывущий,
Ловя под парус ветр ревущий,
Умеет судном управлять.

Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачествы сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьем правишь,
Как волк овец, людей не давишь,
Ты знаешь прямо цену их.
Царей они подвластны воле, —
Но богу правосудну боле,
Живущему в законах их.

Ты здраво о заслугах мыслишь,
Достойным воздаешь ты честь,
Пророком ты того не числишь,
Кто только рифмы может плесть,
А что сия ума забава —
Калифов добрых честь и слава.
Снисходишь ты на лирный лад;
Поэзия тебе любезна,
Приятна, сладостна, полезна,
Как летом вкусный лимонад.

Слух и́дет о твоих поступках,
Что ты нимало не горда;
Любезна и в делах и шутках,
Приятна в дружбе и тверда;
Что ты в напастях равнодушна,
А в славе так великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Еще же говорят неложно,
Что будто завсегда возможно
Тебе и правду говорить.

Неслыханное также дело,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смело
О всем, и въявь и под рукой,
И знать и мыслить позволяешь,
И о себе не запрещаешь
И быль и небыль говорить;
Что будто самым крокодилам,
Твоих всех милостей зоилам,
Всегда склоняешься простить.

Стремятся слез приятных реки
Из глубины души моей.
О! коль счастливы человеки
Там до́лжны быть судьбой своей,
Где ангел кроткий, ангел мирный,
Сокрытый в светлости порфирной,
С небес ниспослан скиптр носить!
Там можно пошептать в беседах
И, казни не боясь, в обедах
За здравие царей не пить.

Там с именем Фелицы можно
В строке описку поскоблить
Или портрет неосторожно
Ее на землю уронить.
Там свадеб шутовских не парят,
В ледовых банях их не жарят,
Не щелкают в усы вельмож;
Князья наседками не клохчут,
Любимцы въявь им не хохочут
И сажей не марают рож.

Ты ведаешь, Фелица! пра́вы
И человеков и царей;
Когда ты просвещаешь нравы,
Ты не дурачишь так людей;
В твои от дел отдохновеньи
Ты пишешь в сказках поученьи
И Хлору в азбуке твердишь:
«Не делай ничего худого,
И самого сатира злого
Лжецом презренным сотворишь».

Стыдишься слыть ты тем великой,
Чтоб страшной, нелюбимой быть;
Медведице прилично дикой
Животных рвать и кровь их пить.
Без крайнего в горячке бедства
Тому ланцетов нужны ль средства,
Без них кто обойтися мог?
И славно ль быть тому тираном,
Великим в зверстве Тамерланом,
Кто благостью велик, как бог?

Фелицы слава — слава бога,
Который брани усмирил;
Который сира и убога
Покрыл, одел и накормил;
Который оком лучезарным
Шутам, труса́м, неблагодарным
И праведным свой свет дарит;
Равно всех смертных просвещает,
Больных покоит, исцеляет,
Добро лишь для добра творит.

Который даровал свободу
В чужие области скакать,
Позволил своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрешает,
И лес рубить не запрещает;
Велит и ткать, и прясть, и шить;
Развязывая ум и руки,
Велит любить торги, науки
И счастье дома находить;

Которого закон, десница
Дают и милости и суд. —
Вещай, премудрая Фелица!
Где отличе́н от честных плут?
Где старость по́ миру не бродит?
Заслуга хлеб себе находит?
Где месть не гонит никого?
Где совесть с правдой обитают?
Где добродетели сияют? —
У трона разве твоего!

Но где твой трон сияет в мире?
Где, ветвь небесная, цветешь?
В Багдаде, Смирне, Кашемире?
Послушай, где ты ни живешь, —
Хвалы мои тебе приметя,
Не мни, чтоб шапки иль бешметя
За них я от тебя желал.
Почувствовать добра приятство
Такое есть души богатство,
Какого Крез не собирал.

Прошу великого пророка,
Да праха ног твоих коснусь,
Да слов твоих сладчайша тока
И лицезренья наслаждусь!
Небесные прошу я силы,
Да их простря сафирны крылы,
Невидимо тебя хранят
От всех болезней, зол и скуки;
Да дел твоих в потомстве звуки,
Как в небе звезды, возблестят.

1782





ВИДЕНИЕ МУРЗЫ

На темно-голубом эфире
Златая плавала луна;
В серебряной своей порфире
Блистаючи с высот, она
Сквозь окна дом мой освещала
И палевым своим лучом
Златые стекла рисовала
На лаковом полу моем.
Сон томною своей рукою
Мечты различны рассыпал,
Кропя забвения росою,

Моих домашних усыплял:
Вокруг вся область почивала,
Петрополь с башнями дремал,
Нева из урны чуть мелькала,
Чуть Бельт в брегах своих сверкал;
Природа, в тишину глубоку
И в крепком погруженна сне,
Мертва казалась слуху, оку
На высоте и в глубине;
Лишь веяли одни зефиры,
Прохладу чувствам нанося.

Я не́ спал, — и, со звоном лиры
Мой тихий голос согласясь,
«Блажен, — воспел я, — кто доволен
В сем свете жребием своим,
Обилен, здрав, покоен, волен
И счастлив лишь собой самим;
Кто сердце чисто, совесть праву
И твердый нрав хранит в свой век
И всю свою в том ставит славу,
Что он лишь добрый человек;
Что карлой он и великаном
И дивом света не рожден,
И что не создан истуканом
И оных чтить не принужден;
Что все сего блаженствы мира
Находит он в семье своей;
Что нежная его Пленира
И верных несколько друзей
С ним могут в час уединенный
Делить и скуку и труды! —

Блажен и тот, кому царевны
Какой бы ни было орды
Из теремов своих янтарных
И сребро-розовых светлиц,
Как будто из улусов дальных,
Украдкой от придворных лиц,
За россказни, за растабары,
За вирши иль за что-нибудь
Исподтишка драгие дары
И в до́сканцах червонцы шлют;
Блажен!» — Но с речью сей незапно
Мое всё зданье потряслось,
Раздвиглись стены, и стократно
Ярчее молний пролилось
Сиянье вкруг меня небесно;
Сокрылась, побледнев, луна.
Виденье я узрел чудесно:
Сошла со облаков жена, —
Сошла и жрицей очутилась
Или богиней предо мной.
Одежда белая струилась
На ней серебряной волной;
Градская на главе корона,
Сиял при персях пояс злат;
Из черно-огненна виссона,
Подобный радуге, наряд
С плеча десного полосою
Висел на левую бедру;
Простертой на алтарь рукою
На жертвенном она жару
Сжигая маки благовонны,
Служила вышню божеству.

Орел полунощный, огромный,
Сопутник молний торжеству,
Геройской провозвестник славы,
Сидя пред ней на груде книг,
Священны блюл ее уставы;
Потухший гром в когтях своих
И лавр с оливными ветвями
Держал, как будто бы уснув.
Сафиро-светлыми очами,
Как в гневе иль в жару, блеснув,
Богиня на меня воззрела.
Пребудет образ ввек во мне,
Она который впечатлела! —
«Мурза! — она вещала мне, —
Ты быть себя счастливым чаешь,
Когда по дням и по ночам
На лире ты своей играешь
И песни лишь поешь царям.
Вострепещи, мурза несчастный!
И страшны истины внемли,
Которым стихотворцы страстны
Едва ли верят на земли;
Одно к тебе лишь доброхотство
Мне их открыть велит. — Когда
Поэзия не сумасбродство,
Но вышний дар богов, — тогда
Сей дар богов лишь к чести
И к поученью их путей
Быть должен обращен, не к лести
И тленной похвале людей.
Владыки света люди те же,
В них страсти, хоть на них венцы;

Яд лести их вредит не реже, —
А где поэты не льстецы?
И ты сирен поющих грому
В вред добродетели не строй;
Благотворителю прямому
В хвале нет нýжды никакой.
Хранящий муж честные нравы,
Творяй свой долг, свои дела,
Царю приносит больше славы,
Чем всех пиитов похвала.
Оставь нектаром наполненну
Опасну чашу, где скрыт яд».
Кого я зрю столь дерзновенну,
И чьи уста меня разят?
Кто ты? Богиня или жрица? —
Мечту стоящу я спросил.
Она рекла мне: «Я Фелица»;
Рекла — и светлый облак скрыл
От глаз моих ненасыщенных
Божественны ее черты;
Курение мастик бесценных
Мой дом и место то цветы
Покрыли, где она явилась.
Мой бог! мой ангел во плоти! . .
Душа моя за ней стремилась,
Но я за ней не мог идти.
Подобно громом оглушенный,
Бесчувствен я, безгласен был.
Но, током слезным орошенный,
Пришел в себя и возгласил:
Возможно ль, кроткая царевна!
И ты к мурзе чтоб своему

Была сурова столь и гневна,
И стрелы к сердцу моему
И ты, и ты чтобы бросала,
И пламени души моей
К себе и ты не одобряла?
Довольно без тебя людей,
Довольно без тебя поэту
За кажду мысль, за каждый стих
Ответствовать лихому свету
И от сатир щититься злых!
Довольно золотых кумиров,
Без чувств мои что песни чли;
Довольно кадиев, факиров,
Которы в зависти сочли
Тебе их неприличной лестью;
Довольно нажил я врагов!
Иной отнес себе к бесчестью,
Что не дерут его усов;
Иному показалось больно,
Что он наседкой не сидит;
Иному — очень своевольно
С тобой мурза твой говорит;
Иной вменял мне в преступленье,
Что я посланницей с небес
Тебя быть мыслил в восхищенье
И лил в восторге токи слез.
И словом: тот хотел арбуза,
А тот соленых огурцов.
Но пусть им здесь докажет муза,
Что я не из числа льстецов;
Что сердца моего товаров
За деньги я не продаю

И что не из чужих анбаров
Тебе наряды я крою.
Но, венценосна добродетель!
Не лесть я пел и не мечты.
А то, чему весь мир свидетель:
Твои дела суть красоты.
Я пел, пою и петь их буду,
И в шутках правду возвещу;
Татарски песни из-под спуду,
Как луч, потомству сообщу;
Как солнце, как луну, поставлю
Твой образ будущим векам;
Превознесу тебя, прославлю;
Тобой бессмертен буду сам.

1783





ВЛАСТИТЕЛЯМ И СУДИЯМ

Восстал всевышний бог, да судит
Земных богов во сонме их;
Доколе, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?

Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.

Ваш долг: спасать от бед невинных,
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.

Не внемлют! видят — и не знают!
Покрыты мздою очеса:
Злодействы землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.

Цари! Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья,
Но вы, как я подобно, страстны,
И так же смертны, как и я.

И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!

Воскресни, боже! боже правых!
И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых,
И будь един царем земли!

1780





НА СМЕРТЬ КНЯЗЯ МЕЩЕРСКОГО

Глагол времен! металла звон!
Твой страшный глас меня смущает,
Зовет меня, зовет твой стон,
Зовет — и к гробу приближает.
Едва увидел я сей свет,
Уже зубами смерть скрежещет,
Как молнией, косою блещет
И дни мои, как злак, сечет.

Ничто от роковых когтей,
Никая тварь не убегает;
Монарх и узник — снедь червей,
Гробницы злость стихий снедает;
Зияет время славу стерть:
Как в море льются быстры воды,
Так в вечность льются дни и годы;
Глотает царства алчна смерть.

Скользим мы бездны на краю,
В которую стремглав свалимся;
Приемлем с жизнью смерть свою,
На то, чтоб умереть, родимся.
Без жалости всё смерть разит:
И звезды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся,
И всем мирам она грозит.

Не мнит лишь смертный умирать
И быть себя он вечным чает;
Приходит смерть к нему, как тать,
И жизнь внезапу похищает.
Увы! где меньше страха нам,
Там может смерть постичь скорее;
Ее и громы не быстрее
Слетают к гордым вышинам.

Сын роскоши, прохлад и нег,
Куда, Мещерской! ты сокрылся?
Оставил ты сей жизни брег,
К брегам ты мертвых удалился;
Здесь персть твоя, а духа нет.
Где ж он? — Он там. — Где там? — Не знаем.
Мы только плачем и взываем:
«О, горе нам, рожденным в свет!»

Утехи, радость и любовь
Где купно с здравием блистали,
У всех там цепенеет кровь
И дух мятется от печали.
Где стол был яств, там гроб стоит;

Где пиршеств раздавались лики,
Надгробные там воют клики,
И бледна смерть на всех глядит.

Глядит на всех — и на царей,
Кому в державу тесны миры;
Глядит на пышных богачей,
Что в злате и сребре кумиры;
Глядит на прелесть и красы,
Глядит на разум возвышенный,
Глядит на силы дерзновенны
И точит лезвие косы.

Смерть, трепет естества и страх!
Мы — гордость с бедностью совместна;
Сегодня бог, а завтра прах;
Сегодня льстит надежда лестна,
А завтра: где ты, человек?
Едва часы протечь успели,
Хао́са в бездну улетели,
И весь, как сон, прошел твой век.

Как сон, как сладкая мечта,
Исчезла и моя уж младость;
Не сильно нежит красота,
Не столько восхищает радость,
Не столько легкомыслен ум,
Не столько я благополучен;
Желанием честей размучен,
Зовет, я слышу, славы шум.

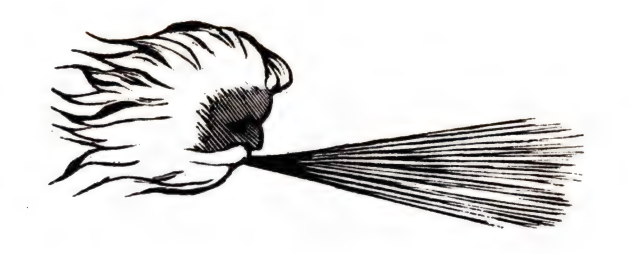
Но так и мужество пройдет
И вместе к славе с ним стремленье;

Богатств стяжание минет,
И в сердце всех страстей волненье
Прейдéт, прейдéт в чреду свою.
Подите счастьи прочь возможны,
Вы все пременны здесь и ложны:
Я в двéрях вечности стою.

Сей день иль завтра умереть,
Перфильев! должно нам конечно, —
Почто ж терзаться и скорбеть,
Что смертный друг твой жил не вечно?
Жизнь есть небес мгновенный дар;
Устрой ее себе к покою
И с чистою твоей душою
Благословляй судеб удар.

1779





НА РОЖДЕНИЕ В СЕВЕРЕ ПОРФИРОРОДНОГО ОТРОКА

С белыми Борей власами
И с седою бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжимал рукой;
Сыпал инеи пушисты
И метели воздымал,
Налагая цепи льдисты,
Быстры воды оковал.
Вся природа содрогала
От лихого старика;
Землю в камень претворяла
Хладная его рука;
Убегали звери в норы,
Рыбы крылись в глубинах,
Петь не смели птичек хоры,
Пчелы прятались в дуплах;
Засыпали нимфы с скуки
Средь пещер и камышей,

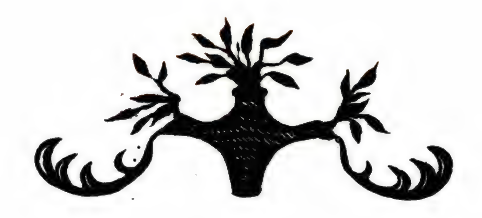
Согревать сатиры руки
Собирались вкруг огней.
В это время, столь холодно,
Как Борей был разъярен,
Отроча порфирородно
В царстве Северном рожден.
Родился — и в ту минуту
Перестал реветь Борей;
Он дохнул — и зиму люту
Удалил Зефир с полей;
Он воззрел — и солнце красно
Обратилося к весне;
Он вскричал — и лир согласно
Звук разнесся в сей стране;
Он простер лишь детски руки —
Уж порфиру в руки брал;
Раздались громовы звуки,
И весь Север воссиял.
Я увидел в восхищеньи
Растворен судеб чертог;
И подумал в изумленьи:
«Знать, родился некий бог».
Гении к нему слетели
В светлом облаке с небес;
Каждый гений к колыбели
Дар рожденному принес:
Тот принес ему гром в руки
Для предбудущих побед;
Тот художества, науки,
Украшающие свет;
Тот обилие, богатство,
Тот сияние порфир;

Тот утехи и приятство,
Тот спокойствие и мир;
Тот принес ему телесну,
Тот душевну красоту;
Прозорливость тот небесну,
Разум, духа высоту.
Словом: все ему блаженствы
И таланты подаря,
Все влияли совершенствы,
Составляющи царя;
Но последний, добродетель
Зарождаючи в нем, рек:
«Будь страстей твоих владетель,
Будь на троне человек!»
Все крылами восплескали,
Каждый гений восклицал:
«Се божественный, — вещали, —
Дар младенцу он избрал!
Дар, всему полезный миру!
Дар, добротам всем венец!
Кто приемлет с ним порфиру,
Будет подданным отец!» —
«Будет, — и Судьбы гласили, —
Он монархам образец!»
Лес и горы повторили:
«Утешением сердец!» —
Сим Россия восхищенна
Токи слезны пролила,
На колени преклоненна,
В руки отрока взяла;
Восприяв его, лобзает
В перси, очи и уста;

В нем геройство возрастает,
Возрастает красота.
Все его уж любят страстно,
Всех сердца уж он возжег;
Возрастай, дитя прекрасно!
Возрастай, наш полубог!
Возрастай, уподобляясь
Ты родителям во всем;
С их ты матерью равняясь,
Соравняйся с божеством.

1779





БОГ

О ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени превечный,
Без лиц, в трех лицах божества!
Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто всё собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем: *бог.*

Измерить океан глубокий,
Сочесть пески, лучи планет
Хотя и мог бы ум высокий, —
Тебе числа и меры нет!
Не могут духи просвещенны,
От света твоего рожденны,
Исследовать судеб твоих:
Лишь мысль к тебе взнестись дерзает, —
В твоем величьи исчезает,
Как в вечности прошедший миг.

Хаоса бытность довременну
Из бездн ты вечности воззвал,
А вечность, прежде век рожденну,
В себе самом ты основал:
Себя собою составляя,
Собою из себя сияя,
Ты свет, откуда свет истек.
Создавый всё единым словом,
В твореньи простираясь новом,
Ты был, ты есть, ты будешь ввек!

Ты цепь существ в себе вмещаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конец с началом сопрягаешь
И смертию живот даришь.
Как искры сыплются, стремятся,
Так солнцы от тебя родятся;
Как в мразный, ясный день зимой
Пылинки инея сверкают,
Вратятся, зыблются, сияют, —
Так звезды в безднах под тобой.

Светил возженных миллионы
В неизмеримости текут,
Твои они творят законы,
Лучи животворящи льют.
Но огненны сии лампады,
Иль рдяных кристалей громады,
Иль волн златых кипящий сонм,
Или горящие эфиры,
Иль вкупе все светящи миры —
Перед тобой — как нощь пред днем.

Как капля в море опущенна,
Вся твердь перед тобой сия.
Но что мной зримая вселенна?
И что перед тобою я?
В воздушном океане оном,
Миры умножа миллионом
Стократ других миров, — и то,
Когда дерзну сравнить с тобою,
Лишь будет точкою одною:
А я перед тобой — ничто.

Ничто! — Но ты во мне сияешь
Величеством твоих доброт;
Во мне себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод.
Ничто! — Но жизнь я ощущаю,
Несытым некаким летаю
Всегда пареньем в высоты;
Тебя душа моя быть чает,
Вникает, мыслит, рассуждает:
Я есмь — конечно, есть и ты!

Ты есть! — Природы чин вещает,
Гласит мое мне сердце то,
Меня мой разум уверяет,
Ты есть — и я уж не ничто!
Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей ты телесных,
Где начал ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной.

Я связь миров, повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь — я раб — я червь — я бог!
Но, будучи я столь чудесен,
Отколе происшел? — безвестен;
А сам собой я быть не мог.
Твое созданье я, создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ податель,
Душа души моей и царь!
Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертно бытие;
Чтоб дух мой в смертность облачился
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! — в бессмертие твое.
Неизъяснимый, непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображении бессильны
И тени начертать твоей;
Но если славословить должно,
То слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почтить,
Как им к тебе лишь возвышаться,
В безмерной разности теряться
И благодарны слезы лить.

1784

ОСЕНЬ ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ ОЧАКОВА

Отрывок

Спустил седой Эол Борея
С цепей чугунных из пещер;
Ужасные криле расширя,
Махнул по свету богатырь;
Погнал стадами воздух синий,
Сгустил туманы в облака,
Давнул — и облака расселись.
Пустился дождь и восшумел.

Уже румяна Осень носит
Снопы златые на гумно,
И Роскошь винограду просит
Рукою жадной на вино.
Уже стада толпятся птичьи,
Ковыль сребрится по степям;
Шумящи красно-желты листьи
Расстлались всюду по тропам.

В опушке заяц быстроногий,
Как колпик поседев, лежит;
Ловецки раздаются роги,
И выжлиц лай и гул гремит.
Запасшися крестьянин хлебом,
Ест добры щи и пиво пьет;
Обогащенный щедрым небом,
Блаженство дней своих поет.

Борей на Осень хмурит брови
И Зиму с севера зовет,
Идет седая чародейка,
Косматым машет рукавом;
И снег, и мраз, и иней сыплет,
И воды претворяет в льды;
От хладного ее дыханья
Природы взор оцепенел.

Наместо радуг испещренных
Висит по небу мгла вокруг,
А на коврах полей зеленых
Лежит рассыпан белый пух.
Пустыни сетуют и долы,
Голодны волки воют в них;
Древа стоят и холмы голы,
И не пасется стад при них.

Ушел олень на тундры мшисты,
И в логовище лег медведь;
По селам нимфы голосисты
Престали в хороводах петь;
Дымятся серым дымом домы,
Поспешно едет путник в путь,
Небесный Марс оставил громы
И лег в туманы отдохнуть.

Российский только Марс, Потемкин,
Не ужасается зимы:
По развевающим знаменам
Полков, водимых им, орел
Над древним царством Митридата
Летает и темнит луну;

Под звучным крил его мельканьем
То черн, то бледн, то рдян Эвксин.

Огонь, в волнах неугасимый,
Очаковские стены жрет,
Пред ними росс непобедимый
И в мраз зелены лавры жнет;
Седые бури презирает,
На льды, на рвы, на гром летит,
В водах и в пламе помышляет:
Или умрет, иль победит. . .

1788





ЗАЗДРАВНЫЙ ОРЕЛ

По северу, по югу
С Москвы орел парит;
Всему земному кругу
Полет его звучит.

О! исполать, ребяты,
Вам, русские солдаты!
Что вы неустрашимы,
Никем непобедимы:
За здравье ваше пьем.

Орел бросает взоры
На льва и на луну,
Стокгольмы и Босфоры
Все бьют челом ему.

О! исполать вам, вои,
Бессмертные герои,
Румянцов и Суворов!
За столько славных боев:
Мы в память вашу пьем.

Орел глядит очами
На солнце в высоты,
Герои под шлемами —
На женски красоты.

О! исполать, красотки,
Вам, росски амазонки!
Вы в мужестве почтенны,
Вы в нежности любезны:
Здоровье ваше пьем!

1791; 1801





НА ВЗЯТИЕ ИЗМАИЛА

Избранные строфы

Везувий пламя изрыгает,
Столп огненный во тьме стоит,
Багрово зарево зияет,
Дым черный клубом вверх летит;
Краснеет понт, ревет гром ярый,
Ударам вслед звучат удары;
Дрожит земля, дождь искр течет;
Клокочут реки рдяной лавы, —
О росс! Таков твой образ славы,
Что зрел под Измаилом свет!..

Как воды, с гор весной в долину
Низвержась, пенятся, ревут,
Волнами, льдом трясут плотину, —
К твердыням россы так текут.

Ничто им путь не воспящает;
Смертей ли бледных полк встречает,
Иль ад скрежещет зевом к ним, —
Идут, — как в тучах скрыты громы,
Как двигнуты безмолвны холмы;
Под ними стон, за ними — дым.

Идут в молчании глубоком,
Во мрачной, страшной тишине,
Собой пренебрегают, роком;
Зарница только в вышине
По их оружию играет;
И только их душа сияет,
Когда на бой, на смерть идет.
Уж блещут молнии крылами,
Уж осыпаются громами —
Они молчат — идут вперед. . .

О! что за зрелище предстало!
О пагубный, о страшный час!
Злодейство что ни вымышляло,
Поверглось, россы, всё на вас!
Зрю камни, ядра, вар и бревны, —
Но чем герои устрашенны?
Чем может отражен быть росс?
Тот лезет по бревну на стену,
А тот летит с стены в геенну, —
Всяк Курций, Деций, Буароз! . .

Представь последний день природы,
Что пролилася звезд река,
На огнь пошли стеною воды,

Бугры взвились за облака;
Что вихри тучи к тучам гнали,
Что мрак лишь молньи освещали,
Что гром потряс всемирну ось,
Что солнце, мглою покровенно,
Ядро казалось раскаленно:
Се вид, как вшел в Изма́ил росс! ..

О! ежели издревле миру
Побед славнейших звук гремит
И если приступ славен к Тиру, —
К Измайлу больше знаменит.
Там был вселенной покоритель,
Машин и башен сам строитель,
Горой он море запрудил,
А здесь вождя одно веленье
Свершило храбрых россов рвенье;
Великий дух был вместо крыл...

Где есть народ в краях вселенны,
Кто б столько сил в себе имел:
Без помощи, от всех стесненный,
Ярем с себя низвергнуть смел
И, вырва́в бы венцы лавровы,
Возверг на тех самих оковы,
Кто столько свету страшен был?
О росс! твоя лишь добродетель
Таких великих дел содетель;
Лишь твой орел луну затмил...

О кровь славян! Сын предков славных,
Несокрушаемый колосс!

Кому в величестве нет равных,
Возросший на полсвете росс!
Твои коль славны древни следы!
Громчай суть нынешни победы:
Зрю вкруг тебя лавровый лес;
Кавказ и Тавр ты преклоняешь,
Вселенной на среду ступаешь
И досязаешь до небес.

1790





КО ВТОРОМУ СОСЕДУ

Не кость резная Колмогор,
Не мрамор Тифды и Рифея,
Не Невски зеркала, фарфор,
Не шелк Баки, ни глазумея
Благоуханные пары
Вельможей делают известность;
Но некий твердый дух и честность,
А паче — муз дары.

Почто же, мой вторый сосед,
Столь зданьем пышным, столь отличным
Мне солнца застеняя свет,
Двором межуешь безграничным
Ты дому моего забор?
Ужель полей, прудов и речек,
Тьмы скупленных тобой местечек
Твой не насытят взор?

В тот миг, как с пошвы до конька
И около, презренным взглядом,

Мое строение слегка
С своим обозревая рядом,
Ты в гордости своей с высот
На низменны мои мнишь кровы
Навесить темный сад кедровый
И шумны токи вод, —

Кто весть, что рок готовит нам?
Быть может, что сии чертоги,
Назначенны тобой царям,
Жестоки времена и строги
Во стойлы househouse конски обратят.
За счастие поруки нету,
И чтоб твой Феб светил век свету,
Не бейся об заклад.

Так, так; но примечай, как день,
Увы! ночь темна затмевает;
Луну скрывает облак, тень;
Она растет иль убывает, —
С сумой не ссорься и тюрьмой.
Хоть днесь к звездам ты высишь стены,
Но знай: ты прах одушевленный
И скроешься землей.

Надежней гроба дома нет,
Богатым он отверст и бедным;
И царь и раб в него придет.
К чему ж с столь рвеньем ты безмерным
Свой постоялый строишь двор,
И, ах! сокровищи Тавриды
На барках свозишь в пирамиды
Средь полицейских ссор?

Любовь граждан и слава нам
Лишь воздвигают прочны домы;
Они, подобно небесам,
Стоят и презирают громы.
Зри, хижина Петра до днесь,
Как храм, нетленна средь столицы!
Свят дом, под кой народ гробницы
Матвееву принес!

Рабочих в шуме голосов,
Машин во скрыпе, во стенаньи,
Средь громких песен и пиров
Трудись, сосед, и строй ты зданьи;
Но мой не отнимай лишь свет.
А то оставь молве правдивой
Решить: чей дом скорей крапивой
Иль плющем зарастет?

1791; 1798





НА СЧАСТИЕ

Отрывок

...Бывало, ты меня к боярам
В любовь введешь: беру всё даром,
На вексель, в долг без платежа;
Судьи, дьяки и прокуроры,
В передней про себя брюзжа,
Умильные мне мещут взоры
И жаждут слова моего,
А я всех мимо по паркету
Бегу, нос вздернув, к кабинету
И в грош не ставлю никого.

Бывало, под чужим нарядом
С красоткой чернобровой рядом
Иль с беленькой, сидя́ со мной,
Ты в шашки, то в картеж играешь;
Прекрасною твоей рукой
Туза червонного вскрываешь,
Сердечный твой тем кажешь взгляд;
Я к крале короля бросаю,
И ферзь к ладье я придвигаю,
Даю марьяж иль шах и мат.

Бывало, милые науки
И музы, простирая руки,
Позавтракать ко мне придут
И всё мое усядут ложе;
А я, свирель настроя тут,
С их каждой лирой то же, то же
Играю, что вчерась играл.
Согласна трель! взаимны тоны!
Восторг всех чувств! За вас короны
Тогда бы взять не пожелал.

А ныне пятьдесят мне било;
Полет свой счастье пременило,
Без лат я горе-богатырь;
Прекрасный пол меня лишь бесит,
Амур без перьев — нетопырь,
Едва вспорхнет, и нос повесит.
Сокрылся и в игре мой клад;
Не страстны мной, как прежде, музы;
Бояра понадули пузы,
И я у всех стал виноват.

Услышь, услышь меня, о Счастье!
И, солнце как сквозь бурь, ненастье,
Так на меня и ты взгляни;
Прошу, молю тебя умильно,
Мою ты участь премени;
Ведь всемогуще ты и сильно
Творить добро из самых зол;
От божеской твоей десницы
Гудок гудит на тон скрыпицы
И вьется локоном хохол.

Но, ах! как некая ты сфера
Иль легкий шар Монгольфиера,
Блистая в воздухе, летишь;
Вселенна длани простирает,
Зовет тебя, — ты не глядишь,
Но шар твой часто упадает
По прихоти одной твоей
На пни, на кочки, на колоды,
На грязь и на гнилые воды;
А редко, редко — на людей.

Слети ко мне, мое драгое,
Серебряное, золотое
Сокровище и божество!
Слети, причти к твоим любимцам!
Я храм тебе и торжество
Устрою, и везде по кры́льцам
Твоим рассыплю я цветы;
Возжгу куреньи благовонны,
И буду ездить на поклоны,
Где только обитаешь ты...

1789





ХРАПОВИЦКОМУ

Товарищ давний, вновь сосед,
Приятный, острый Храповицкой!
Ты умный мне даешь совет,
Чтобы владычице киргизской
Я песни пел
И лирой ей хвалы гремел.

Так, так, — за средственны стишки
Монисты, гривны, ожерелья,
Бесценны перстни, камешки́
Я брал с нее бы за безделья
И был — гудком —
Давно мурза с большим усом.

Но ежели наложен долг
Мне от судеб и вышня трона,
Чтоб не лучистый милый бог
С высот лазурна Геликона
Меня внушал,
Но я экстракты б сочинял;

Был чтец и пономарь Фемиды
И ей служил пред алтарем;
Как омофором от обиды
Одних покрыв, других мечом
        Своим страшит
        И счастье всем она дарит, —

То как Якобия оставить,
Которого весь мир теснит?
Как Логинова дать оправить,
Который золотом гремит?
        Богов певец
        Не будет никогда подлец.

Ты сам со временем осудишь
Меня за мглистый фимиам;
За правду ж чтить меня ты будешь,
Она любезна всем векам;
        В ее венце
        Светлее царское лице.

1793





ВОДОПАД

Отрывок

Алмазна сыплется гора
С высот четыремя скалами,
Жемчугу бездна и сребра
Кипит внизу, бьет вверх буграми;
От брызгов синий холм стоит,
Далече рев в лесу гремит.

Шумит, и средь густого бора
Теряется в глуши потом;
Луч чрез поток сверкает скоро;
Под зыбким сводом древ, как сном
Покрыты, волны тихо льются,
Рекою млечною влекутся.

Седая пена по брегам
Лежит буграми в дебрях темных;
Стук слышен млатов по ветрам,
Визг пил и стон мехов подъемных:
О водопад! в твоем жерле
Всё утопает в бездне, в мгле!

Ветрами ль сосны пораженны? —
Ломаются в тебе в куски;
Громами ль камни отторженны? —
Стираются тобой в пески;
Сковать ли воду льды дерзают? —
Как пыль стеклянна ниспадают.

Волк рыщет вкруг тебя и, страх
В ничто вменяя, станови́тся;
Огонь горит в его глазах,
И шерсть на нем щетиной зрится;
Рожденный на кровавый бой,
Он воет, согласясь с тобой.

Лань и́дет робко, чуть ступает,
Вняв вод твоих падущих рев,
Рога на спину приклоняет
И быстро мчится меж дерев;

Ее страшит вкруг шум, бурь свист
И хрупкий под ногами лист.

Ретивый конь, осанку горду
Храня, к тебе порой идет;
Крутую гриву, жарку морду
Подняв, храпит, ушми прядет,
И, подстрекаем быв, бодрится,
Отважно в хлябь твою стремится.

Под наклоненным кедром вниз,
При страшной сей красе природы,
На утлом пне, который свис
С утеса гор на яры воды,
Я вижу — некий муж седой
Склонился на руку главой.

Копье и меч, и щит великой,
Стена отечества всего,
И шлем, обвитый повиликой,
Лежат во мху у ног его.
В броне блистая злато-рдяной,
Как вечер во заре румяной, —

Сидит — и, взор вперя к водам,
В глубокой думе рассуждает:
«Не жизнь ли человеков нам
Сей водопад изображает? —
Он так же блеском струй своих
Поит надменных, кротких, злых.

Не так ли с неба время льется,
Кипит стремление страстей,
Честь блещет, слава раздается,
Мелькает счастье наших дней,
Которых красоту и радость
Мрачат печали, скорби, старость?

Не зрим ли всякой день гробов,
Седин дряхлеющей вселенной?
Не слышим ли в бою часов
Глас смерти, двери скрып подземной?
Не упадает ли в сей зев
С престола царь и друг царев? ..»

1791—1794





НА СМЕРТЬ КАТЕРИНЫ ЯКОВЛЕВНЫ, 1794 ГОДУ ИЮЛЯ 15 ДНЯ ПРИКЛЮЧИВШУЮСЯ

Уж не ласточка сладкогласная
Домовитая со застрехи —
Ах! моя милая, прекрасная
Прочь отлетела, — с ней утехи.

Не сияние луны бледное
Светит из облака в страшной тьме —
Ах! лежит ее тело мертвое,
Как ангел светлый во крепком сне.

Роют псы землю, вкруг завывают,
Воет и ветер, воет и дом;
Мою милую не пробуждают;
Сердце мое сокрушает гром!

О ты, ласточка сизокрылая!
Ты возвратишься в дом мой весной;
Но ты, моя супруга милая,
Не увидишься век уж со мной.

Уж нет моего друга верного,
Уж нет моей доброй жены,
Уж нет товарища бесценного,
Ах, все они с ней погребены.

Все опустело! Как жизнь мне снести?
Зельная меня съела тоска.
Сердца, души половина, прости,
Скрыла тебя гробова́ доска.

Июль 1794





ЛАСТОЧКА

О домовитая ласточка!
О милосизая птичка!
Грудь красно-бела, касаточка,
Летняя гостья, певичка!
Ты часто по кровлям щебечешь,
Над гнездышком сидя, поешь,
Крылышками движешь, трепещешь,
Колокольчиком в горлышке бьешь.
Ты часто по воздуху вьешься,
В нем смелые кру́ги даешь;
Иль стелешься долу, несешься,
Иль в небе простряся плывешь.
Ты часто во зеркале водном
Под рдяной играешь зарей,
На зыбком лазуре бездонном
Тенью мелькаешь твоей.
Ты часто, как молния, реешь
Мгновенно туды и сюды;
Сама за собой не успеешь
Невидимы видеть следы, —
Но видишь там всю ты вселенну,

Как будто с высот на ковре:
Там башню, как жар позлащенну,
В чешуйчатом флот там сребре;
Там рощи в одежде зеленой,
Там нивы в венце золотом,
Там холм, синий лес отдаленный,
Там мошки толкутся столпом;
Там гнутся с утеса в понт воды,
Там ластятся струи к брегам.
Всю прелесть ты видишь природы,
Зришь лета роскошного храм,
Но видишь и бури ты черны
И осени скучной приход;
И прячешься в бездны подземны,
Хладея зимою, как лед.
Во мраке лежишь бездыханна, —
Но только лишь при́дет весна
И роза вздохнет лишь румяна,
Встаешь ты от смертного сна;
Встанешь, откроешь зеницы
И новый луч жизни ты пьешь;
Сизы расправя косицы,
Ты новое солнце поешь.

Душа моя! гостья ты мира:
Не ты ли перната сия? —
Воспой же бессмертие, лира!
Восстану, восстану и я, —
Восстану, — и в бездне эфира
Увижу ль тебя я, Пленира?

1792; середина 1794



ВЕЛЬМОЖА

Не украшение одежд
Моя днесь муза прославляет,
Которое в очах невежд
Шутов в вельможи наряжает;
Не пышности я песнь пою;
Не истуканы за кристаллом,
В кивотах блещущи металлом,
Услышат похвалу мою.

Хочу достоинствы я чтить,
Которые собою сами
Умели титлы заслужить
Похвальными себе делами;
Кого ни знатный род, ни сан,
Ни счастие не украшали;
Но кои доблестью снискали
Себе почтенье от гражда́н.

Кумир, поставленный в позор,
Несмысленную чернь прельщает;
Но коль художников в нем взор
Прямых красот не ощущает, —
Се образ ложныя молвы,
Се глыба грязи позлащенной!
И вы, без благости душевной,
Не все ль, вельможи, таковы?

Не перлы перские на вас
И не бразильски звезды ясны, —
Для возлюбивших правду глаз
Лишь добродетели прекрасны,
Они суть смертных похвала.
Калигула! твой конь в Сенате
Не мог сиять, сияя в злате:
Сияют добрые дела.

Осел останется ослом,
Хотя осыпь его звездами;
Где должно действовать умом,
Он только хлопает ушами.
О! тщетно счастия рука,
Против естественного чина,
Безумца рядит в господина
Или в шумиху дурака.

Каких ни вымышляй пружин,
Чтоб мужу бую умудриться,
Не можно век носить личин,
И истина должна открыться.
Когда не сверг в боях, в судах,

В советах царских супостатов, —
Всяк думает, что я Чупятов
В марокксих лентах и звездах.

Оставя скипетр, трон, чертог,
Быв странником, в пыли и в поте,
Великий Петр, как некий бог,
Блистал величеством в работе:
Почтен и в рубище герой!
Екатерина в низкой доле
И не на царском бы престоле
Была великою женой.

И впрямь, коль самолюбья лесть
Не обуяла б ум надменный, —
Что наше благородство, честь,
Как не изящности душевны?
Я князь — коль мой сияет дух;
Владелец — коль страстьми владею;
Болярин — коль за всех болею,
Царю, закону, церкви друг.

Вельможу до́лжны составлять
Ум здравый, сердце просвещенно;
Собой пример он должен дать,
Что звание его священно,
Что он орудье власти есть,
Подпора царственного зданья;
Вся мысль его, слова, деянья
Должны быть — польза, слава, честь.

А ты, второй Сарданапал!
К чему стремишь всех мыслей беги?

На то ль, чтоб век твой протекал
Средь игр, средь праздности и неги?
Чтоб пурпур, злато всюду взор
В твоих чертогах восхищали,
Картины в зеркалах дышали,
Мусия, мрамор и фарфор?

На то ль тебе пространный свет,
Простерши раболепны длани,
На прихотливый твой обед
Вкуснейших яств приносит дани,
Токай — густое льет вино,
Левант — с звездами кофе жирный, —
Чтоб не хотел за труд всемирный
Мгновенье бросить ты одно?

Там воды в просеках текут
И, с шумом вверх стремясь, сверкают;
Там розы средь зимы цветут
И в рощах нимфы воспевают
На то ль, чтобы на всё взирал
Ты оком мрачным, равнодушным,
Средь радостей казался скучным
И в пресыщении зевал?

Орел, по высоте паря,
Уж солнце зрит в лучах полдневных, —
Но твой чертог едва заря
Румянит сквозь завес червленных;
Едва по зыблющим грудям
С тобой лежащия Цирцеи
Блистают розы и лилеи,
Ты с ней покойно спишь — а там? —

А там израненный герой,
Как лунь во бранях поседевший,
Начальник прежде бывший твой,
В переднюю к тебе пришедший
Принять по службе твой приказ, —
Меж челядью твоей златою,
Поникнув лавровой главою,
Сидит и ждет тебя уж час!

А там — вдова стоит в сенях
И горьки слезы проливает,
С грудным младенцем на руках,
Покрова твоего желает.
За выгоды твои, за честь
Она лишилася супруга;
В тебе его знав прежде друга,
Пришла мольбу свою принесть.

А там — на лестничный восход
Прибрел на костылях согбенный
Бесстрашный, старый воин тот,
Тремя медальми украшенный,
Которого в бою рука
Избавила тебя от смерти, —
Он хочет руку ту простерти
Для хлеба от тебя куска.

А там, где жирный пес лежит,
Гордится вратник галунами, —
Заимодавцев полк стоит,
К тебе пришедших за долгами.
Проснися, сибарит! — Ты спишь,

Иль только в сладкой неге дремлешь,
Несчастных голосу не внемлешь
И в развращенном сердце мнишь:

«Мне миг покоя моего
Приятней, чем в исторьи веки;
Жить для себя лишь одного,
Лишь радостей уметь пить реки,
Лишь ветром плыть, гнесть чернь ярмом;
Стыд, совесть — слабых душ тревога!
Нет добродетели! нет бога!» —
Злодей, увы! — И грянул гром.

Блажен народ, который полн
Благочестивой веры к богу,
Хранит царев всегда закон,
Чтит нравы, добродетель строгу
Наследным перлом жен, детей,
В единодушии — блаженство;
Во правосудии — раве́нство;
Свободу — во узде страстей!

Блажен народ! — где царь главой,
Вельможи — здравы члены тела,
Прилежно долг все правят свой,
Чужого не касаясь дела;
Глава не ждет от ног ума
И сил у рук не отнимает,
Ей взор и ухо предлагает, —
Повелевает же сама.

Сим твердым у́злом естества
Коль царство лишь живет счастливым, —

Вельможи! — славы, торжества
Иных вам нет, как быть правдивым;
Как блюсть народ, царя любить,
О благе общем их стараться,
Змеей пред троном не сгибаться,
Стоять — и правду говорить.

О росский бодрственный народ,
Отечески хранящий нравы!
Когда расслаб весь смертных род,
Какой ты не причастен славы?
Каких в тебе вельможей нет? —
Тот храбрым был средь бранных звуков;
Здесь дал бесстрашный Долгоруков
Монарху грозному ответ.

И в наши вижу времена
Того я славного Камилла,
Которого труды, война
И старость дух не утомила.
От грома звучных он побед
Сошел в шалаш свой равнодушно,
И от сохи опять послушно
Он в поле Марсовом живет.

Тебе, герой! желаний муж!
Не роскошью вельможа славный;
Кумир сердец, пленитель душ,
Вождь, лавром, ма́слиной венчанный!
Я праведну здесь песнь воспел.
Ты ею славься, утешайся,
Борись вновь с бурями, мужайся,
Как юный возносись орел.

Пари, — и с высоты твоей
По мракам смутного эфира
Громовой пролети струей,
И, опочив на лоне мира,
Возвесели еще царя.
Простри твой поздный блеск в народе,
Как отдает свой долг природе
Румяна вечера заря.

Ноябрь 1794





РАДОСТЬ О ПРАВОСУДИИ

Хвала всевышнему владыке!
Великость он явил свою:
Вельмож меня поставил в лике,
Да чудеса его пою.

Пришли, пришли те дни святые,
Да правый суд я покажу,
Колеблемы столпы земные
Законом божьим утвержу.

Скажу я грешным: не грешите;
Надменным: не вздымайте рог,
В безумии не клевещите,
Несправедлив что будто бог.

От запада и от востока,
От гор, пустыней и морей
Нет человека без порока,
Без слабостей и без страстей.

Но бог есть судия единый,
Владыка и правитель всех;
Он сих возводит на вершины,
А понижает долу тех.

Вина багряна чаша цельна,
Из коей сладки перлы бьют,
В его руке всем растворенна;
Но дрожди грешники пиют.

От арфы радость да прольется
В хваление тебе, мой бог!
Неправых выя да согнется,
А правых вознесется рог!

1794





ПАВЛИН

Какое гордое творенье,
Хвост пышно расширяя свой,
Черно-зелены в искрах перья
Со рассыпною бахромой
Позадь чешуйной груди кажет,
Как некий круглый, дивный щит?

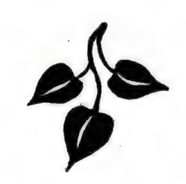
Лазурно-сизы-бирюзовы
На каждого конце пера,
Тенисты круги, волны новы
Струиста злата и сребра;
Наклонит — изумруды блещут!
Пове́рнет — яхонты горят!

Не то ли славный царь пернатый?
Не то ли райска птица *Жар*,
Которой столь убор богатый
Приводит в удивленье тварь?
Где ступит — радуги играют!
Где станет — там лучи вокруг!

Конечно, сила и паренье
Орлиные в ее крылах,
Глас трубный, лебедино пенье
В ее пресладостных устах;
А пеликана добродетель
В ее и сердце и душе!

Но что за чудное явленье?
Я слышу некий странный визг!
Сей Феникс опустил вдруг перья,
Увидя гнусность ног своих. —
О пышность! как ты ослепляешь!
И барин без ума — павлин.

1795



К АНЖЕЛИКЕ КАУФМАН

Живописица преславна,
Кауфман! подруга муз!
Если в кисть твою влиянна
Свыше живость, чувство, вкус,
И, списав данаев, древних
Нам богинь и красных жен,
Пережить в своих бесценных
Ты могла картинах тлен, —
Напиши мою Милену,
Белокурую лицом,
Стройну станом, возвышенну,
С гордым несколько челом;
Чтоб похожа на Минерву
С голубых была очей,
И любовну искру перву
Ты зажги в душе у ней;
Чтоб, на всех взирая хладно,
Полюбила лишь меня;
Чтобы сердце безотрадно
В гроб с Пленирой схороня,
Я нашел бы в ней обратно
И, пленясь ее красой,
Оживился бы стократно
Молодой моей душой.

1795



ПРИГЛАШЕНИЕ К ОБЕДУ

Шекснинска стерлядь золотая, –
Каймак и борщ уже стоят;
В крафинах вина, пунш, блистая
То льдом, то искрами, манят;
С курильниц благовоньи льются,
Плоды среди корзин смеются,
Не смеют слуги и дохнуть,
Тебя стола вкруг ожидая;
Хозяйка статная, младая
Готова руку протянуть.

Приди, мой благодетель давный,
Творец чрез двадцать лет добра!
Приди, и дом, хоть не нарядный,
Без ре́зьбы, злата и сребра,
Мой посети; его богатство —
Приятный только вкус, опрятство
И твердый мой, нельстивый нрав;
Приди от дел попрохладиться,
Поесть, попить, повеселиться,
Без вредных здравию приправ.

Не чин, не случай и не знатность —
На русский мой простой обед
Я звал одну благоприятность;
А тот, кто делает мне вред,
Пирушки сей не будет зритель.
Ты, ангел мой, благотворитель!
Приди — и насладися благ;
А вражий дух да отженется,
Моих порогов не коснется
Ничей недоброхотный шаг!

Друзьям моим я посвящаю,
Друзьям и красоте сей день;
Достоинствам я цену знаю,
И знаю то, что век наш тень;
Что, лишь младенчество проводим, —
Уже ко старости приходим
И смерть к нам смотрит чрез забор;
Увы! — то как не умудриться,
Хоть раз цветами не увиться
И не оставить мрачный взор?

Слыхал, слыхал я тайну эту,
Что иногда грустит и царь;
Ни ночь, ни день покоя нету,
Хотя им вся покойна тварь.
Хотя он громкой славой знатен,
Но, ах! — и трон всегда ль приятен
Тому, кто век свой в хлопотах?
Тут зрит обман, там зрит упадок:
Как бедный часовой тот жалок,
Который вечно на часах!

Итак, доколь еще ненастье
Не помрачает красных дней
И приголубливает счастье
И гладит нас рукой своей;
Доколе не пришли морозы,
В саду благоухают розы,
Мы поспешим их обонять.
Так! будем жизнью наслаждаться
И тем, чем можем, утешаться,
По платью ноги протягать.

А если ты иль кто другие
Из званых милых мне гостей,
Чертоги предпочтя златые
И яствы сахарны царей,
Ко мне не сряди́тесь откушать, —
Извольте мой вы толк прослушать:
Блаженство не в лучах порфир,
Не в вкусе яств, не в неге слуха,
Но в здравьи и спокойстве духа, —
Умеренность есть лучший пир.

1795





БОГИНЕ ЗДРАВИЯ

Здравья богиня благая,
Век ты со мною, Гигея, живи!
В дни живота моего
Мне ты сопутницей будь!
Если обилье склабится смертным,
Если гордятся они правовластным
Блеском богатства,
Если любови страстны желанья стремятся
К сладким утехам на лоно,
Если на отчи глаза
Слезы младенец нежны манит,
Ежели боги на нас с высоты
Дождь благодати кропят разновидный,
Если спокойство отшельных,
Скромна нас жизнь веселит, —
Всякая радость с тобой благовонней цветет.
Если ж, богиня, ты отступаешь,
Благо с тобой всё уходит от нас.

1795



АНАКРЕОН У ПЕЧКИ

Случись Анакреону
Марию посещать;
Меж ними Купидону,
Как бабочке, летать.

Летал божок крылатый
Красавицы вокруг,
И стрелы он пернаты
Накладывал на лук.

Стрелял с ее небесных
И голубых очей,
И с роз в устах прелестных,
И на грудях с лилей.

Но арфу как Мария
Звонча́тую взяла
И в струны золотые
Свой голос издала, —

Под алыми перстами
Порхал резвее бог,
Острейшими стрелами
Разил сердца и жег.

Анакреон у печки
Вздохнул тогда сидя,
«Как бабочка от свечки,
Сгорю, — сказал, — и я».

1795



ПАМЯТНИК

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов тверже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полет его не сокрушит.

Так! — весь я не умру, но часть моя большая,
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь славянов род вселенна будет чтить.

Слух пройдет обо мне от Белых вод до Черных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал;
Всяк будет помнить то в народах неисчетных,
Как из безвестности я тем известен стал,

Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о боге
И истину царям с улыбкой говорить.

О муза! возгордись заслугой справедливой,
И презрит кто тебя, сама тех презирай;
Непринужденною рукой неторопливой
Чело твое зарей бессмертия венчай.

1795



К МУЗЕ

Строй, муза, арфу золотую
И юную весну воспой:
Как нежною она рукой
На небо, море — голубую,
На долы и вершины гор
Зелену ризу надевает,
Вкруг ароматы разливает;
Всем осклабляет взор.

Смотри: как цепью птиц станицы
Летят под небом и трубят,
Как жаворонки вверх парят;
Как гусли тихи иль цевницы,
Звенят их гласы с облаков;
Как ключ шумит, свирель взывает,
И между всех их пробегает
Свист громкий соловьев.

Смотри: в проталинах желтеют,
Как звезды, меж снегов цветы;
Как, распустившись, роз кусты
Смеются в люльках и алеют;

Сквозь мглу восходит злак челом,
Леса ветвями помавают,
По рдяну вод стеклу мелькают
Вверх рыбы серебром.

Смотри: как солнце золотое
Днесь лучезарнее горит;
Небесное лице глядит
На всех, веселое, младое;
И будто вся играет тварь,
Природа блещет, восклицает:
Или какой себя венчает
Короной мира царь?

5 апреля 1797





ХРАПОВИЦКОМУ

Храповицкий! дружбы знаки
Вижу я к себе твои;
Ты ошибки, лесть и враки
Кажешь праведно мои, —
Но с тобой не соглашуся
Я лишь в том, что я орел.

А по-твоему коль станет,
Ты мне путы развяжи;
Где свободно гром мой грянет,
Ты мне небо покажи;
Где я в поприще пущуся
И препон бы не имел?

Где чертог найду я правды?
Где увижу солнце в тьме?
Покажи мне те ограды
Хоть близ трона в вышине,

Чтоб где правду допущали
И любили бы ее.

Страха связанным цепями
И рожденным под жезлом,
Можно ль орлими крылами
К солнцу нам парить умом?
А хотя б и возлетали, —
Чувствуем ярмо свое.

До́лжны мы всегда стараться,
Чтобы сильным угождать,
Их любимцам поклоняться,
Словом, взглядом их ласкать.
Раб и похвалить не может,
Он лишь может только льстить.

Извини ж, мой друг, коль лестно
Я кого где воспевал;
Днесь скрывать мне тех бесчестно,
Раз кого я похвалял.
За слова — меня пусть гложет,
За дела — сатирик чтит.

Март 1797





ВОЗВРАЩЕНИЕ ВЕСНЫ

Возвращается Весна,
И хариты вкруг блистают,
Взоры смертных привлекают.
Где стоит, грядет она,
Воздух дышит ароматом,
Усмехается заря,
Чешуятся реки златом;
Рощи, в зеркалы смотря,
На ветвях своих качают
Теплы, легки ветерки;
Сильфы ре́звятся, порхают,
Зелень всюду и цветки
Стелют по земле коврами;
Рыбы мечутся из вод;
Журавли, виясь кругами
Сквозь небесный синий свод,
Как валторны возглашают;
Соловей гремит в кустах,
Звери прыгают, брыкают,
Глас их вторится в лесах.

Горстью пахарь дождь на нивы
Сеет вкруг себя златой,
Белы парусы игривы
Вздулись на море горой;
Вся природа торжествует,
Празднует Весны приход,
Всё играет, всё ликует, —
Нимфы! станьте в хоровод
И, в белейши снега ткани
Облеченны, изо льну,
Простирайте нежны длани,
Принимайте вы Весну;
А в цветах ее щедроты,
А в зефирах огнь сердцам.
С нею к вам летят Эроты:
Без любви нельзя жить вам.

Май 1797





К ЛИРЕ

Петь Румянцова сбирался,
Петь Суворова хотел;
Гром от лиры раздавался,
И со струн огонь летел.
Но завистливой судьбою
Задунайский кончил век;
А Рымникский скрылся тьмою,
Как неславный человек.
Что ж? Приятна ли им будет,
Лира! днесь твоя хвала?
Мир без нас не позабудет
Их бессмертные дела.
Так не надо звучных строев,
Переладим струны вновь:
Петь откажемся героев,
А начнем мы петь любовь.

Ноябрь 1797





ДАР

«Вот, — сказал мне Аполлон, —
Я даю тебе ту лиру,
Коей нежный, звучный тон
Может быть приятен миру.

Пой вельможей и царей,
Коль захочешь быть им нравен;
Лирою чрез них ты сей
Можешь быть богат и славен.

Если ж пышность, сан, богатство
Не по склонностям твоим,
Пой любовь, покой, приятство:
Будешь красотой любим».

Взял я лиру и запел, —
Струны правду зазвучали;
Кто внимать мне захотел?
Лишь красавицы внимали.

Я доволен, света бог!
Даром сим твоим небесным.
Я богатым быть не мог,
Но я мил жена́м прелестным.

1797



КУПИДОН

Под Медведицей небесной,
Средь ночныя темноты,
Как на мир сей сон всеместной
Сыпал маковы цветы;
Как спокойно все уж спали
Отягченные трудом,
Слышу, в двери застучали
Кто-то громко вдруг кольцом.
«Кто, — спросил я, — в дверь стучится
И тревожит сладкий сон?» —
«Отвори, чего страшиться? —
Отвечал мне Купидон. —
Я ребенок, как-то сбился
В ночь безлунную с пути,
Весь дождем я замочился,
Не найду, куда идти».

Жаль его мне очень стало:
Встал и высек я огня;
Отворил лишь двери мало,
Прыг дитя перед меня.
В туле лук на нем и стрелы;
Я к огню с ним поспешил,
Тер руками руки мерзлы,
Кудри влажные сушил.
Он успел лишь обогреться,
«Ну, посмотрим-ка, — сказал, —
Хорошо ли лук мой гнется?
Не испорчен ли чем стал?»
Молвил, и стрелу мгновенно
Острую в меня пустил,
Ранил сердце мне смертельно
И, смеяся, говорил:
«Не тужи, мой лук годится,
Тетива еще цела».
С тех пор начал я крушиться,
Как любви во мне стрела.

1797





РОЖДЕНИЕ КРАСОТЫ

Сотворя Зевес вселенну,
Звал богов всех на обед.
Вкруг нектара чашу пенну
Разносил им Ганимед;
Мед, амброзия блистала
В их устах, по лицам огнь,
Благовоний мгла летала,
И Олимп был света полн;
Раздавались песен хоры,
И звучал весельем пир;
Но внезапно как-то взоры
Опустил Зевес на мир;
И, увидя царствы, грады,
Что погибли от боев,

Что богини мещут взгляды
На беднейших пастухов,
Распалился столько гневом,
Что, курчавой головой
Покачав, шатнул всем небом,
Адом, морем и землей.
Вмиг сокрылся блеск лазуря:
Тьма с бровей, огонь с очес,
Вихорь с риз его, и буря
Восшумела от небес;
Разразились всюду громы,
Мрак во пламени горел,
Яры волны — будто холмы,
Понт стремился и ревел;
В растворенны бездн утробы
Тартар искры извергал;
В тучи Феб, как в черны гробы,
Погруженный трепетал;
И средь страшной сей тревоги
Коль еще бы грянул гром, —
Мир, Олимп, богов чертоги
Повернулись бы вверх дном.
Но Зевес вдруг умилился:
Стало, знать, красавиц жаль;
А как с ними не смирился,
Новую тотчас создал:
Ввил в власы пески златые,
Пламя — в щеки и уста,
Небо — в очи голубые,
Пену — в грудь, — и Красота
Вмиг из волн морских родилась.
А взглянула лишь она,

Тотчас буря укротилась
И настала тишина.
Сизы, юные дельфины,
Облелея табуном,
На свои ее взяв спины,
Мчали по пучине волн.
Белы голуби станицей,
Где откуда ни взялись,
Под жемчужной колесницей
С ней на воздух поднялись;
И, летя под облаками,
Вознесли на звездный холм:
Зевс объял ее лучами
С улыбнувшимся лицом.
Боги молча удивлялись,
На красу разинув рот,
И согласно в том признались:
Мир и брани — от красот.

1797





СОЛОВЕЙ ВО СНЕ

Я на хо́лме спал высоком,
Слышал глас твой, соловей,
Даже в самом сне глубоком
Внятен был душе моей:
То звучал, то отдавался,
То стенал, то усмехался
В слухе издалече он;
И в объятиях Калисты
Песни, вздохи, клики, свисты
Услаждали сладкий сон.

Если по моей кончине,
В скучном, бесконечном сне,
Ах! не будут так, как ныне,
Эти песни слышны мне;
И веселья, и забавы,
Плясок, ликов, звуков славы
Не услышу больше я, —
Стану ж жизнью наслаждаться,
Чаще с милой целоваться,
Слушать песни соловья.

1797

К САМОМУ СЕБЕ

Что мне, что мне суетиться,
Вьючить бремя должностей,
Если мир за то бранится,
Что иду прямой стезей?
Пусть другие работáют,
Много мудрых есть господ:
И себя не забывают
И царям сулят доход.
Но я тем коль бесполезен,
Что горяч и в правде черт, —
Музам, женщинам любезен
Может пылкий быть Эрот.
Стану ныне с ним водиться,
Сладко есть и пить и спать;
Лучше, лучше мне лениться,
Чем злодеев наживать.
Полно быть в делах горячим,
Буду лишь у правды гость;
Тонким сделаюсь подьячим,
Растворю пошире горсть.
Утром раза три в неделю
С милой музой порезвлюсь;
Там опять пойду в постелю
И с женою обоймусь.

1798



ПАРАШЕ

Белокурая Параша,
Сребро-розова лицом,
Коей мало в свете краше
Взором, сердцем и умом!

Ты, которой повторяет
Звучну арфу нежный глас,
Как Параша ударяет
В струны, утешая нас.

Встань, пойдем на луг широкой,
Мягкий, скатистый, к прудам;
Там под сенью древ далекой
Сядем, взглянем по струям:

Как, скользя по них, сверкает
Луч от царских теремов,
Звезды, солнцы рассыпает
По теням между кустов.

Как за сребряной плотицей
Линь златой по дну бежит;
За прекрасною девицей,
За тобой, Амур летит.

1798



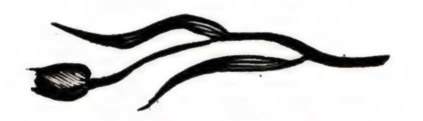


ПОРТРЕТ ВАРЮШИ

Милая заря весення,
Алым блеском покровенна,
Как встает с кристальных вод
И в небесный идет свод,
Мещет яхонтные взоры;
Тихий свет и огнь живой
Проницает тверды горы, —
Так, Варюша, образ твой.

1798





РУССКИЕ ДЕВУШКИ

Зрел ли ты, певец Тиисский!
Как в лугу весной бычка
Пляшут девушки российски
Под свирелью пастушка?
Как, склонясь главами, ходят,
Башмаками в лад стучат,
Тихо руки, взор поводят
И плечами говорят?
Как их лентами златыми
Челы белые блестят,
Под жемчу́гами драгими
Груди нежные дышат?
Как сквозь жилки голубые
Льется розовая кровь,
На ланитах огневые
Ямки врезала любовь?
Как их брови соболины,
Полный искр соколий взгляд,
Их усмешка — души львины
И орлов сердца разят?
Коль бы видел дев сих красных,
Ты б гречанок позабыл
И на крыльях сладострастных
Твой Эрот прикован был.

Весна 1799



АРФА

Не в летний ль знойный день прохладный ветерок
В легчайшем сне на грудь мою приятно дует?
Не в злаке ли журчит хрустальный ручеек?
Иль милая в тени древес меня целует?

Нет! арфу слышу я: ее волшебный звук,
На розах дремлющий, согласьем тихострунным,
Как эхо, мне вдали щекочет нежно слух
Иль шумом будит вдруг вблизи меня перунным.

Так ты, подруга муз! лиешь мне твой восторг
Под быстрою рукой играющей хариты,
Когда ее чело венчает вкуса бог
И улыбаются любовию ланиты.

Как весело внимать, когда с тобой она
Поет про родину, отечество драгое,
И возвещает мне, как там цветет весна,
Как время катится в Казани золотое!

О колыбель моих первоначальных дней!
Невинности моей и юности обитель!

Когда я освещусь опять твоей зарей
И твой по-прежнему всегдашний буду житель?

Когда наследственны стада я буду зреть,
Вас, дубы камские, от времени почтенны!
По Волге между сел на парусах лететь
И гробы обнимать родителей священны?

Звучи, о арфа! ты всё о Казани мне!
Звучи, как Павел в ней явился благодатен!
Мила нам добра весть о нашей стороне:
Отечества и дым нам сладок и приятен.

1798





СНИГИРЬ

Что ты заводишь песню военну
Флейте подобно, милый снигирь?
С кем мы пойдем войной на Гиену?
Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?
Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Северны громы в гробе лежат.

Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари;
В стуже и в зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари;
Тысячи воинств, стен и затворов
С горстью россиян всё побеждать?

Быть везде первым в мужестве строгом,
Шутками зависть, злобу штыком,
Рок низлагать молитвой и богом,
Скиптры давая, зваться рабом,
Доблестей быв страдалец единых,
Жить для царей, себя изнурять?

Нет теперь мужа в свете столь славна:
Полно петь песню военну, снигирь!
Бранна музы́ка днесь не забавна,
Слышен отвсюду томный вой лир;
Львиного сердца, крыльев орлиных
Нет уже с нами! — что воевать?

Май 1800





ТОНЧИЮ

Бессмертный Тончи! ты мое
Лицо в том, слышу, пишешь виде,
В каком бы мастерство твое
В Омире древнем, Аристиде,
Сократе и Катоне ввек
Потомков поздных удивляло;
В сединах лысиной сияло,
И в нем бы зрелся человек.

Но лысина или парик,
Но тога иль мундир кургузый
Соделали, что ты велик?
Нет! философия и музы, —
Они нас славными творят.
О! если б осенял дух правый
И освещал меня луч славы,
Пристал бы всякий мне наряд.

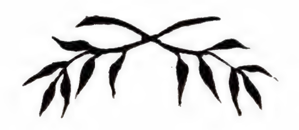
Так, живописец-филосо́ф!
Пиши меня в уборах чудных,
Как знаешь ты; но лишь любовь
Увековечь ко мне премудрых.

А если слабости самим
И величайшим людям сродны,
Не позабудь во мне подобны,
Чтоб зависть улыбалась им.

Иль нет, ты лучше напиши
Меня в натуре самой грубой:
В жестокий мраз с огнем души,
В косматой шапке, скутав шубой;
Чтоб шел, природой лишь водим,
Против погод, волн, гор кремнистых,
В знак, что рожден в страна́х я льдистых,
Что был прапращур мой Багрим.

Не испугай жены, друзей,
Придай мне нежности немного:
Чтоб был я ласков для детей,
Лишь в должности б судил всех строго;
Чтоб жар кипел в моей крови,
А очи мягкостью блистали;
Красотки бы по мне вздыхали,
Хоть в платонической любви.

Ноябрь 1801



СВОБОДА

Теплой осени дыханье,
Помавание дубов,
Тихое листов шептанье,
Восклицанье голосов
Мне, лежащему в долине,
Наводили сладкий сон.

Видел я себя стоящим
На высоком вдруг холму,
На плоды вдали глядящим,
На шумящу вблизь волну, —
И как будто в важном чине
Я носил на пле́чах холм.

Дальше: власти мне святые
Иго то велели несть,
Все венцы суля земные,
Титла, золото и честь.
«Нет! — восстав от сна глубока,
Я сказал им, — не хочу.

Не хочу моей свободы,
Совесть на мечты менять:
Гладки воды, коль погоды
Их не могут колебать.
Власть тогда моя высока,
Коль я власти не ищу».

Октябрь 1803

КУЗНЕЧИК

Счастлив, золотой кузнечик,
Что в лесу куешь один!
На цветочный сев лужечик,
Пьешь с них мед, как господин;
Всем любуяся на воле,
Воспеваешь век ты свой;
Взглянешь лишь на что ты в поле,
Всем доволен, всё с тобой.
Земледельцев по соседству
Не обидишь ты ничем;
Ни к чьему не льнешь наследству,
Сам богат собою всем.
Песнопевец тепла лета!
Аполлона нежный сын!
Честный обитатель света,
Всеми музами любим!
Вдохновенный, гласом звонким
На земли ты знаменит,
Чтут живые и потомки:
Ты философ! ты пиит!
Чист в душе своей, не злобен,
Удивление ты нам:
О! едва ли не подобен,
Мой кузнечик, ты богам!

1802





ЛЮБУШКЕ

Не хочу я быть Протеем,
Чтобы оборотнем стать;
Невидимкой или змеем
В терем к девушкам летать;
Но желал бы я тихонько,
Без огласки от людей,
Зеркалом в уборной только
Быть у Любушки моей:
Чтоб она с умильным взором
Обращалася ко мне,
Станом, поступью, убором
Любовалася во мне.
Иль бы, сделавшись водою,
Я ей тело омывал;
Вкруг монистой золотою
Руки блеском украшал;
В виде благовонной мази
Умащал бы ей власы,
На грудях в цветочной вязи
Отенял ее красы.
Иль, обнявши белу шею,
Был жемчу́г ее драгой;
Став хоть обувью твоею,
Жала б ты меня ногой.

1802



ЦЫГАНСКАЯ ПЛЯСКА

Возьми, египтянка, гитару,
Ударь по струнам, восклицай;
Исполнясь сладострастна жару,
Твоей всех пляской восхищай.
Жги души, огнь бросай в сердца
От смуглого лица.

Неистово, роскошно чувство,
Нерв трепет, мление любви,
Волшебное зараз искусство
Вакханок древних оживи.
Жги души, огнь бросай в сердца
От смуглого лица.

Как ночь — с ланит сверкай зарями,
Как вихорь — прах плащом сметай,
Как птица — подлетай крылами
И в длани с визгом ударяй.
Жги души, огнь бросай в сердца
От смуглого лица.

Под лесом нощию сосновым,
При блеске бледныя луны,
Топоча по доскам гробовым,
Буди сон мертвой тишины.
Жги души, огнь бросай в сердца
От смуглого лица.

Да вопль твой, *эвоа!* ужасный,
Вдали мешаясь с воем псов,
Лиет повсюду гулы страшны,
А сластолюбию — любовь.
Жги души, огнь бросай в сердца
От смуглого лица.

Нет, стой, прелестница! довольно,
Муз скромных больше не страши;
Но плавно, важно, благородно,
Как русска дева, пропляши.
Жги души, огнь бросай в сердца
И в нежного певца.

10 января 1805





ЛЕБЕДЬ

Необычайным я пареньем
От тленна мира отделюсь,
С душой бессмертною и пеньем,
Как лебедь, в воздух поднимусь.

В двояком образе нетленный,
Не задержусь в вратах мытарств;
Над завистью превознесенный,
Оставлю под собой блеск царств.

Да, так! Хоть родом я не славен,
Но, будучи любимец муз,
Другим вельможам я не равен
И самой смертью предпочтусь.

Не заключит меня гробница,
Средь звезд не превращусь я в прах;
Но, будто некая цевница,
С небес раздамся в голосах.

И се уж кожа, зрю, перната
Вкруг стан обтягивает мой;
Пух на груди, спина крылата,
Лебяжьей лоснюсь белизной.

Лечу, парю — и под собою
Моря, леса, мир вижу весь;
Как холм, он высится главою,
Чтобы услышать богу песнь.

С Курильских островов до Буга,
От Белых до Каспийских вод,
Народы, света с полукруга,
Составившие россов род,

Со временем о мне узнают:
Славяне, гунны, скифы, чудь,
И все, что бранью днесь пылают,
Покажут перстом — и рекут:

«Вот тот летит, что, строя лиру,
Язы́ком сердца говорил
И, проповедуя мир миру,
Себя всех счастьем веселил».

Прочь с пышным, славным погребеньем,
Друзья мои! Хор муз, не пой!
Супруга! облекись терпеньем!
Над мнимым мертвецом не вой.

1804





ЕВГЕНИЮ. ЖИЗНЬ ЗВАНСКАЯ

Блажен, кто менее зависит от людей,
Свободен от долгов и от хлопот приказных,
Не ищет при дворе ни злата, ни честей
И чужд сует разнообразных!

Зачем же в Петрополь на вольну ехать страсть,
С пространства в тесноту, с свободы за затворы,
Под бремя роскоши, богатств, сирен под власть
И пред вельможей пышны взоры?

Возможно ли сравнять что с вольностью златой,
С уединением и тишиной на Званке?
Довольство, здравие, согласие с женой,
Покой мне нужен — дней в останке.

Восстав от сна, взвожу на небо скромный взор;
Мой утренюет дух правителю вселенной;
Благодарю, что вновь чудес, красот позор
Открыл мне в жизни толь блаженной.

Пройдя минувшую и не нашедши в ней,
Чтоб черная змия мне сердце угрызала,
О! коль доволен я, оставил что людей
И честолюбия избег от жала!

Дыша невинностью, пью воздух, влагу рос,
Зрю на багрянец зарь, на солнце восходяще,
Ищу красивых мест между лилей и роз,
Средь сада храм жезлом чертяще.

Иль, накормя моих пшеницей голубей,
Смотрю над чашей вод, как вьют под небом круги;
На разноперых птиц, поющих средь сетей,
На кроющих, как снегом, луги.

Пастушьего вблизи внимаю рога зов,
Вдали тетеревей глухое токованье,

Барашков в воздухе, в кустах свист соловьев,
Рев крав, гром жолн и коней ржанье.

На кровле ж зазвенит как ласточка, и пар
Повеет с дома мне манжурской иль левантской,
Иду за круглый стол: и тут-то раздобар
О снах, молве градской, крестьянской;

О славных подвигах великих тех мужей,
Чьи в рамах по стенам златых блистают лицы
Для вспоминанья их деяний, славных дней,
И для прикрас моей светлицы,

В которой поутру иль ввечеру порой
Дивлюся в Вестнике, в газетах иль журналах
Россиян храбрости, как всяк из них герой,
Где есть Суворов в генералах!

В которой к госпоже, для похвалы гостей,
Приносят разные полотна, сукна, ткани,
Узорны образцы салфеток, скатертей,
Ковров, и кружев, и вязани.

Где с скотен, пчельников, и с птичен, и прудов
То в масле, то в сота́х зрю злато под ветвями,
То пурпур в ягодах, то бархат-пух грибов,
Сребро, трепещуще лещами.

В которой, обозрев больных в больнице, врач
Приходит доносить о их вреде, здоровье,
Прося на пищу им: тем с по́ливкой калач,
А тем лекарствица, в подспорье.

Где также иногда по биркам, по костям
Усастый староста, иль скопидом брюхатой,
Дает отчет казне, и хлебу, и вещам,
С улыбкой часто плутоватой.

И где, случается, художники млады
Работы кажут их на древе, на холстине
И получают в дар подачи за труды,
А в час и денег по полтине.

И где до ужина, чтобы прогнать как сон,
В задоре иногда, в игры зело горячи,
Играем в карты мы, в ерошки, в фараон,
По грошу в долг и без отдачи.

Оттуда прихожу в святилище я муз
И с Флакком, Пиндаром, богов восседши в пире,
К царям, к друзьям моим иль к небу возношусь,
Иль славлю сельску жизнь на лире.

Иль в зеркало времен, качая головой,
На страсти, на дела зрю древних, новых ве́ков,
Не видя ничего, кроме любви одной
К себе — и драки человеков.

«Всё суета сует! — я, воздыхая, мню;
Но, бросив взор на блеск светила полудневна, —
О, коль прекрасен мир! Что ж дух мой бременю?
Творцом содержится вселенна.

Да будет на земли и в небесах его
Единого во всем вседействующа воля!

Он видит глубину всю сердца моего,
        И строится моя им доля».

Дворовых между тем, крестьянских рой детей
Сбирается ко мне не для какой науки,
А взять по нескольку баранок, кренделей,
        Чтобы во мне не зрели буки.

Письмоводитель мой тут должен на моих
Бумагах мараных, пастух как на овечках,
Репейник вычищать, — хоть мыслей нет больших,
        Блестят и жу́чки в епанечках.

Бьет полдня час, рабы служить к столу бегут;
Идет за трапезу гостей хозяйка с хором.
Я озреваю стол — и вижу разных блюд
        Цветник, поставленный узором.

Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны,
Что смоль, янтарь — икра, и с голубым пером
        Там щука пестрая — прекрасны!

Прекрасны потому, что взор манят мой, вкус;
Но не обилием иль чуждых стран приправой,
А что опрятно всё и представляет Русь:
        Припас домашний, свежий, здравой.

Когда же мы донских и крымских кубки вин,
И ли́пца, воронка́ и чернопенна пива
Запустим несколько в румяный лоб хмелин, —
        Беседа за сластьми шутлива.

Но молча вдруг встаем: бьет, искрами горя,
Древ русских сладкий сок до подвенечных бревен;
За здравье с громом пьем любезного царя,
Цариц, царевичей, царевен.

Тут кофе два глотка; схрапну минут пяток;
Там в шахматы, в шары иль из лу́ка стрелами,
Пернатый к потолку лаптой мечу леток
И тешусь разными играми.

Иль из кристальных вод, купален, между древ,
От солнца, от людей под скромным осененьем,
Там внемлю юношей, а здесь плесканье дев,
С душевным неким восхищеньем.

Иль в стекла оптики картинные места
Смотрю моих усадьб; на свитках грады, царства,
Моря, леса, — лежит вся мира красота
В глазах, искусств через коварства.

Иль в мрачном фонаре любуюсь, звезды зря
Бегущи в тишине по синю волн стремленью:
Так солнцы в воздухе, я мню, текут горя,
Премудрости ко прославленью.

Иль смотрим, как вода с плотины с ревом льет
И, движа ма́шину, древа́ на доски делит;
Как сквозь чугунных пар столпов на воздух бьет,
Клокоча огнь, толчет и мелет.

Иль любопытны, как бумажны руны волн
В лотки сквозь игл, колес, подобно снегу, льются

В пушистых локонах, и тьмы вдруг веретен
Марииной рукой прядутся.

Иль как на лен, на шелк цвет, пестрота и лоск,
Все прелести, красы берутся с поль царицы;
Сталь жесткая, глядим, как мягкий, алый воск,
Куется в бердыши милицы.

И сельски ратники как, царства став щитом,
Бегут с стремленьем в строй во рыцарском убранстве,
«За веру, за царя мы, — говорят, — помрем,
Чем у французов быть в подда́нстве».

Иль в лодке вдоль реки, по брегу пеш, верхом,
Качусь на дрожках я соседей с вереницей;
То рыбу удами, то дичь громим свинцом,
То зайцев ловим псов станицей.

Иль стоя внемлем шум зеленых, черных волн,
Как дерн бугрит соха, злак трав падет косами,
Серпами злато нив, — и, ароматов полн,
Порхает ветр меж нимф рядами.

Иль смотрим, как бежит под черной тучей тень
По копнам, по снопам, коврам желто-зеленым
И сходит солнышко на нижнюю ступень
К холмам и рощам сине-темным.

Иль, утомясь, идем скирдов, дубов под сень;
На бреге Волхова разводим огнь дымистый;
Глядим, как на воду ложится красный день,
И пьем под небом чай душистый.

Забавно! в тьме челнов с сетьми как рыбаки,
Ленивым строем плыв, страшат тварь влаги стуком;
Как парусы суда и лямкой бурлаки
Влекут одним под песнью духом.

Прекрасно! тихие, отлогие брега
И редки холмики, селений мелких полны,
Как, полосаты их клоня поля, луга,
Стоят над током струй безмолвны.

Приятно! как вдали сверкает луч с косы
И эхо за́ лесом под мглой гамит народа,
Жнецов поющих, жниц полк и́дет с полосы,
Когда мы едем из похода.

Стекл заревом горит мой храмовидный дом,
На гору желтый всход меж роз осиявая,
Где встречу водомет шумит лучей дождем,
Звучит музы́ка духовая.

Из жерл чугунных гром по праздникам ревет;
Под звездной молнией, под светлыми древами
Толпа крестьян, их жен вино и пиво пьет,
Поет и пляшет под гудками.

Но скучит как сия забава сельска нам,
Внутрь дома тешимся столиц увеселеньем;
Велим талантами родных своих детя́м
Блистать: музы́кой, пляской, пеньем.

Амурчиков, харит плетень иль хоровод,
Заняв у Талии игру и Терпсихоры,

Цветочные венки пастух пастушке вьет,
А мы на них и пялим взоры.

Там с арфы звучныя порывный в души гром,
Здесь *тихогрома* с струн смягченны, плавны тоны
Бегут, — и в естестве согласия во всем
Дают нам чувствовать законы.

Но нет как праздника, и в будни я один,
На возвышении сидя столпов перильных,
При гуслях под вечер, челом моих седин
Склонясь, ношусь в мечтах умильных, —

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?
Мимолетящи суть все времени мечтаньи:
Проходят годы, дни, рев морь и бурей шум,
И всех зефиров повеваньи.

Ах! где ж, ищу я вкруг, минувший красный день?
Победы слава где, лучи Екатерины?
Где Павловы дела? Сокрылось солнце, — тень! . .
Кто весть и впредь полет орлиный?

Вид лета красного нам Александров век:
Он сердцем нежных лир удобен двигать струны;
Блаженствовал под ним в спокойстве человек,
Но мещет днесь и он перуны.

Умолкнут ли они? — Сие лишь знает тот,
Который к одному концу все правит сферы;
Он перстом их своим как строй какой ведет,
Ко благу общему склоняя меры.

Он корни помыслов, он зрит полет всех мечт
И поглумляется безумству человеков:
Тех освещает мрак, тех помрачáет свет
И днешних и грядущих веков.

Грудь россов утвердил, как стену, он в отпор
Темиру новому под Пультуском, Прейсш-лау;
Младых вождей расцвел победами там взор
И скрыл орла седого славу.

Там самых светлых звезд блеск меркнет от нощей.
Что жизнь ничтожная? Моя скудельна лира!
Увы! и даже прах спахнет моих костей
Сатурн крылами с тленна мира.

Разрушится сей дом, засохнет бор и сад,
Не воспомянется нигде и имя Званки;
Но сов, сычей из дупл огнезеленый взгляд
И разве дым сверкнет с землянки.

Иль нет, Евгений! ты, быв некогда моих
Свидетель песен здесь, взойдешь на холм тот страшный,
Который тощих недр и сводов внутрь своих
Вождя, волхва гроб кроет мрачный,

От коего, как гром катается над ним,
С булатных ржавых врат и сбруи медной гулы
Так слышны под землей, как грохотом глухим,
В лесах трясясь, звучат стрел тулы.

Так, разве ты, отец! святым своим жезлом
Ударив об доски, заросши мхом, железны,

И свитых вкруг моей могилы змей гнездом
Прогонишь — бледну зависть — в бездны.

Не зря на колесо веселых, мрачных дней,
На возвышение, на пониженье счастья,
Единой правдою меня в умах людей
Чрез Клии воскресишь согласья.

Так, в мраке вечности она своей трубой
Удобна лишь явить то место, где отзывы
От лиры моея шумящею рекой
Неслись чрез холмы, долы, нивы.

Ты слышал их, — и ты, будя твоим пером
Потомков ото сна, близ Севера столицы,
Шепнешь в слух страннику, в дали как тихий гром:
«Здесь бога жил певец, Фелицы».

Май — июль 1807





ПРИЗНАНИЕ

Не умел я притворяться,
На святого походить,
Важным саном надуваться
И философа брать вид;
Я любил чистосердечье,
Думал нравиться лишь им,
Ум и сердце человечье
Были гением моим.
Если я блистал восторгом,
С струн моих огонь летел,
Не собой блистал я — богом;
Вне себя я бога пел.
Если звуки посвящались
Лиры моея царям, —
Добродетельми казались
Мне они равны богам.

Если за победы громки
Я венцы сплетал вождям, —
Думал перелить в потомки
Души их и их детям.
Если где вельможам властным
Смел я правду брякнуть в слух, —
Мнил быть сердцем беспристрастным
Им, царю, отчизне друг.
Если ж я и суетою
Сам был света обольщен, —
Признаюся, красотою
Быв плененным, пел и жен.
Словом: жег любви коль пламень,
Падал я, вставал в мой век.
Брось, мудрец! на гроб мой камень,
Если ты не человек.

1807





ЗАДУМЧИВОСТЬ

Задумчиво, один, широкими шагами
Хожу и меряю пустых пространство мест;
Очами мрачными смотрю перед ногами,
Не зрится ль на песке где человечий след.

Увы, я помощи себе между людями
Не вижу, не ищу, как лишь оставить свет;
Веселье коль прошло, грусть обладает нами,
Зол внутренних печать на взорах всякий чтет.

И мнится мне, кричат долины, реки, холмы,
Каким огнем мой дух и чувствия жегомы
И от дражайших глаз что взор скрывает мой.

Но нет пустынь таких, ни дебрей мрачных, дальних,
Куда любовь моя в мечтах моих печальных
Не приходила бы беседовать со мной.

1808

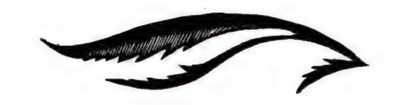


ЭПИГРАММЫ

НА МОДНОЕ ОСТРОУМИЕ 1780 ГОДА

Не мыслить ни о чем и презирать сомненье,
На все давать тотчас свободное решенье,
Не много разуметь, о многом говорить;
Быть дерзку, но уметь продерзостями льстить;
Красивой пустошью плодиться в разговорах,
И другу и врагу являть приятство в взорах;
Блистать учтивостью, но, чтя, пренебрегать,
Смеяться дуракам и им же потакать,
Любить по прибыли, по случаю дружиться,
Душою подличать, а внешностью гордиться,
Казаться богачом, а жить на счет других;
С осанкой важничать в безделицах самих;
Для острого словца шутить и над законом,
Не уважать отцом, ни матерью, ни троном;
И, словом, лишь умом в поверхности блистать,
В познаниях одни цветы только срывать,
Тот узел рассекать, что развязать не знаем, —
Вот остроумием что часто мы считаем!

1776—1780





ПРАВИЛО ЖИТЬ

Утешь поклоном горделивца,
Уйми пощечиной сварливца,
Засаль подмазкой скрып ворот,
Заткни собаке хлебом рот, —
Я бьюся об заклад,
Что все четыре замолчат.

1777





НА ПТИЧКУ

Поймали птичку голосисту
И ну сжимать ее рукой.
Пищит бедняжка вместо свисту,
А ей твердят: «Пой, птичка, пой!»

1792 или 1793





НА СМЕРТЬ СОБАЧКИ МИЛУШКИ,

КОТОРАЯ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ИЗВЕСТИЯ О СМЕРТИ ЛЮДОВИКА XVI УПАЛА С КОЛЕН ХОЗЯЙКИ И УБИЛАСЬ ДО СМЕРТИ 1793 года

**Увы! Сей день с колен Милу́шка
И с трона Людвиг пал. — Смотри,
О смертный! Не всё ль судеб игрушка —
Собачки и цари?**

1793





Враги нам лучшие друзья;
Они премудрости нас учат.
Но больше тех страшуся я,
Ласкательством меня кто мучат.

Между 1801 и 1816





НА БАГРАТИОНА

О как велик На-поле-он!
Он хитр, и быстр, и тверд во брани;
Но дрогнул, как простер в бой длани
К нему с штыком Бог-рати-он.

Конец 1805 или начало 1806





ПРИВРАТНИКУ

Един есть бог, един Державин,
Я в глупой гордости мечтал;
Одна мне рифма — древний Навин,
Что солнца бег остановлял.
Теперь другой Державин зрится,
И рифма та ж ему годится;
Но тот Державин — поп, не я:
На мне парик, на нем скуфья.

Итак, чтоб врат моих приста́ву
В Державиных различье знать,
Пакетов, чести по уставу,
Чужих мне в дом не принимать,
Не брать от *имреков* пасквилей,
Цидул, листков — не быть впредь филей,
Даю сей вратнику приказ —
Не выпускать сего из глаз:

На имя кто б мое пакеты
Какие, письма ни принес,
Вопросы должен на ответы
Тотчас он дать, бумаг тех в вес,
Сказать: отколь, к кому писанья?

И те все произнесть признанья
Свободным, без запинок, ртом;
Подметны сплетни жги огнем.

А чтоб Державина со мною
Другого различал ты сам, —
Вот знак: тот млад, но с бородою,
Я стар — юн духом по грехам.
Он в рясе длинной и широкой;
Мой фрак кургуз и полубокой.
Он в волосах, я гол главой;
Я подлинник — он список мой.

Он пел молебны, панихиды,
И их поныне всё поет;
Слуга был Марса я, Фемиды,
А ныне — отставной поэт;
Он пастырь, чад отец духовный,
А я правитель был народный.
Он обер-поп, я ктитор муз,
И днесь пресвитер их зовусь.

Кропит водой, курит кадилом,
Он тянет руку дам к устам;
За честь я чту тянуться с рылом
И целовать их ручки сам.
Он молит небеса о мире,
Героев славлю я на лире;
Он тайны сердца исповесть,
Скрывать я шашни чту за честь.

Различен также и делами:
Он ест кутью, а я салму;
Он громок многими псалмами,
Я в день шепчу по одному.
Державин род с потопа влекся;
Он в семинарьи им нарекся
Лишь сходством рифм моих и стоп.
Мой дед мурза, его дед поп.

И словом, он со мной не сходен
Ни видом, ростом, ни лицом;
Душой, быть может, благороден,
Но гербом не Державин он!
В моем звезда рукой держима,
А им клюка иль трость носима.
Он может четки взнесть в печать,
Я лирою златой блистать.

А потому почталионов,
Его носящих письма мне,
Отправя множеством поклонов,
Ни средь обедов, ни во сне
Не рушь ты моего покою;
Но позлащенной булавою
С двора их с честью провожай;
Державу с митрой различай.

Январь 1808





АСПАЗИИ

Блещет Аттика жена́ми,
Всех Аспазия милей:
Черными очей огнями,
Грудью пенною своей.
Удивляючи Афины,
Превосходит всех собой;
Взоры орли, души львины
Жжет, как солнце, красотой.

Ре́звятся вокруг утехи,
Улыбается любовь,
Неги, радости и смехи
Плетеницы из цветов
На героев налагают
И влекут сердца к ней в плен;
Мудрецы по ней вздыхают,
И Перикл в нее влюблен.

Угождают ей науки,
Дань художества дают,
Мусикийски сладки звуки
В взгляды томность ей лиют.
Она чувствует, вздыхает,
Нежная видна душа,
И сама того не знает,
Чем всех больше хороша.

Зависть с злобой, содружася,
Смотрят косо на нее,
С черной клеветой свияся,
Уподобяся змее,
Тонкие кидают жалы
И винят в хуле богов, —
Уж Перикла силы малы
Быть щитом ей от врагов.

Уж ведется всенародно
Пред судей она на суд,
Злы молвы о ней свободно
Уж не шепчут — вопиют;
Уж собранье заседало,
Уж архонты все в очках;
Но сняла лишь покрывало —
Пал пред ней Ареопаг!

24 апреля 1809





ГИМН ЛИРО-ЭПИЧЕСКИЙ НА ПРОГНАНИЕ ФРАНЦУЗОВ ИЗ ОТЕЧЕСТВА

Избранные строфы

...Муза! таинственный глагол
Оставь и возгреми трубою,
Как твердой грудью и душою
Росс ополчась на галла шел;
Как Запад с Севером сражался,
И гром о громы ударялся,
И молньи с молньями секлись,
И небо и земля тряслись
На Бородинском поле страшном,
На Малоярославском, Красном.

Там штык с штыком, рой с роем пуль,
Ядро с ядром и бомба с бомбой,
Жужжа, свища, сшибались с злобой,
И меч, о меч звуча, слал гул;

Там всадники, как вихри бурны,
Темнили пылью свод лазурный;
Там бледна смерть с косой в руках,
Скрежещуща, в единый мах
Полки, как класы, посекала
И трупы по полям бросала...

Какая честь из рода в род
России, слава незабвенна,
Что ей избавлена вселенна
От новых Тамерлана орд!
Цари Европы и народы!
Как бурны вы стремились воды,
Чтоб поглотить край росса весь;
Но, буйные! где сами днесь?..

О росс! о доблественный народ,
Единственный, великодушный,
Великий, сильный, славой звучный,
Изящностью своих доброт!
По мышцам ты неутомимый,
По духу ты непобедимый,
По сердцу прост, по чувству добр,
Ты в счастье тих, в несчастье бодр.

1812





Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.

6 июля 1816



ПРИМЕЧАНИЯ

К первому соседу

Стр. 37

Стихотворение обращено к купцу М. С. Голикову, державшему откуп (то есть откупленное у казны за определенную сумму право взимать с населения какие-либо сборы или налоги) на питейные сборы в Петербурге и в Москве. В 1780 г. Державин в Петербурге жил с ним по соседству на Сенной площади. Как писал он в объяснениях к своим сочинениям, Голиков плохо управлял делами, вел роскошный образ жизни («имел италианку у себя на содержании, театральную певицу» — в стихотворении «нежная нимфа») и впоследствии был отдан под суд «за непозволительный провоз французской водки». *Из глин китайских* — **из фарфора.** *Алиáтико* — **итальянское вино.** *Мозель* — **мозельское вино.** *Вертеп* — **в старину это слово означало пещеру. Здесь: грот, павильон.** *Что парка дней твоих не косит.* — *Парки* **(римск. миф.) — три богини судьбы; первая прядет, вторая ткет, а третья обрезает нить человеческой жизни.** *Петрополь* — **Петербург.** *Сосны. . . пали.* — **Здесь поэт говорит, вероятно, о буре и сильном наводнении в Петербурге 10 сентября 1777 г., уничтожившем много деревьев.** *Ланиты* — **щеки.** *Грации* — **три богини древних римлян, олицетворяющие цветущую молодость.** *Пенелопа* — **жена Одиссея, героя гомеровской поэмы «Одис-**

сея»; во время двадцатилетних странствий Одиссея ее принуждали выбрать себе другого мужа, и верная Пенелопа дала обещание сделать это не раньше, чем соткет пышное покрывало, а сама каждую ночь распускала сотканное за день. Державин пояснял, что Голиков, уехав из Сибири в Петербург «для снятия откупа, оставил там жену, обнадеживая ее, что скоро возвратится».

Фелица

Стр. 40

Под именем дочери киргизского хана Фелицы (образовано от латинского слова felicitas — «счастье»), героини «Сказки о царевиче Хлоре», написанной Екатериной II, Державин рисует идеализированный образ самой императрицы. В сказке Екатерины говорилось, что киргизский хан, похитив русского царевича Хлора, велел ему найти розу без шипов — символ добродетели. Хлор нашел ее на высокой горе с помощью Фелицы. *Меня твой сын препровождает.* — В сказке Екатерины Фелица дала в проводники царевичу Хлору своего сына Рассудок. *Мурзам твоим не подражая.* — *Мурза* — татарский вельможа. Мурзами Державин называет сановных вельмож екатерининского двора, мурзой он именует и себя, так как, писал он в объяснениях, произошел «от татарского племени». *Читаешь, пишешь пред налоем.* — Поэт говорит о законодательной деятельности Екатерины. *Налой* (аналой) — столик с покатым верхом, на который в церкви кладут иконы и книги. Здесь — столик, конторка. *Клоб* — клуб. *Не донкишотствуешь собой* — то есть не следуешь Дон-Кихоту, чураешься выдумок, фантазий. *Коня парнасска не седлаешь* — не пишешь стихов (Екатерина писала лишь прозу).

Парнасский крылатый конь, олицетворение поэзии, — Пегас. *К духам в собранье не въезжаешь* — не бываешь на собраниях масонов (их императрица называла «сектой духов», а масоны находились в оппозиции к правительству Екатерины). *Не ходишь с трона на Восток.* — Масонские ложи иногда назывались Востоками. *Стезя* — дорога, путь. *Ток* — течение. *А я, проспавши до полудни.* — В этой и трех следующих строфах Державин рисует нравы и характер влиятельнейшего при Екатерине князя Г. А. Потемкина. *Кружу в химерах мысль мою* — фантазирую, мечтаю. *Плен от персов похищаю* — то есть похищаю пленников, захваченных персами. *Цуг* — упряжка в четыре или шесть лошадей попарно. Езда цугом являлась привилегией высшего дворянства. *Лечу на резвом бегуне.* — В этой строке подразумевается и Потемкин и еще более герой морского сражения при Чесме граф А. Г. Орлов, «который, — писал Державин, — был охотник до скачки лошадиной». Именно А. Г. Орловым были выведены породы орловских рысаков и орловских верховых лошадей. *Или кулачными бойцами* — тоже относится к А. Г. Орлову. *И забавляюсь лаем псов* — относится к видному военачальнику той поры Петру Ивановичу Панину, любителю псовой охоты. *Я тешусь по ночам рогами.* — «Относится к Семену Кирилловичу Нарышкину, бывшему тогда егермейстером, который первый завел роговую музыку» (объяснение Державина). Крепостные музыканты, каждый рог которых издавал лишь единственную ноту и составлял в ансамбле с другими как бы один инструмент, сопровождали вельмож в ночных прогулках по Неве. *Свайка* — игра: тяжелым гвоздем — свайкой — метали в лежащее на земле кольцо. *Полкан и Бова* — персонажи переводного рыцарского романа, позднее перешедшие в русские сказки. *Но всякий человек есть ложь* —цитата из Псалтыри,из 115-го псалма. *Между лен-*

тяем и брюзгой. — *Лентяй и Брюзга* — персонажи сказки о царевиче Хлоре. Державин писал, что под Лентяем Екатерина разумела Потемкина («вел ленивую и роскошную жизнь»), а под Брюзгой — князя Вяземского, который «часто брюзжал, когда у него, как управляющего казной, денег требовали». *Но льзя ль* — но можно ли. *Вежды* — глаза. *Пашей всех роскошь угнетает.* — *Паша* — титул сановников в Турции и других странах Востока. *Деля Хаос на сферы стройно* — намек на декретированное Екатериной II в 1755 г. учреждение губерний, когда их вместо двадцати стало пятьдесят. *Понт* — море. *Калиф* — верховный правитель у мусульман. *Что отреклась и мудрой слыть.* — Екатерина дважды, в 1767 и 1779 гг., лицемерно отказывалась от предлагаемого ей титула «Великой», «Премудрой», «Матери отечества». Титул «Великой» закрепился за нею, хотя и непрочно, позднее. *Под рукой* — потихоньку, скрытно. *И о себе не запрещаешь и быль и небыль говорить.* — В этой строфе поэт перечисляет посулы Екатерины, содержавшиеся в известном ее Наказе 1767 г., но в действительности в те годы имело место множество «дел» против лиц, арестованных Тайной экспедицией и пытаемых там за «говорение» «поносных» слов по адресу императрицы и других высокопоставленных особ. *Зоил* — злой, несправедливый критик. *В светлости порфирной.* — *Порфира* — торжественное царское одеяние, мантия из багряного шелка, подбитая горностаями. *Скиптр* (скипетр) — знак царской власти, жезл, унизанный драгоценными каменьями. *Там можно пошептать в беседах.* — Эти строки и вся следующая строфа характеризуют нравы царствования Анны Иоанновны (1730—1740), когда два пошептавшихся человека часто обвинялись в злых умыслах против императрицы или государства; не выпивший большого бокала вина, если провозглашалось здравие императрицы, уронивший монету

с ее изображением подлежали следствию и попадали в Тайную канцелярию. Описка, поправка, подскабливание в императорском титуле, перенос титула с одной строки на другую наказывались битьем плетьми. Грубые «забавы» (например, «ледяная свадьба» придворного шута князя Голицына) были неотъемлемой чертой двора Анны. *Ты ведаешь, Фелица! правы* — знаешь права. *Сатира* — здесь: сатирика. *Ланцетов... средства* — то есть кровопролития. *Тамерлан* (Тимур) — среднеазиатский завоеватель (XIV век), отличавшийся крайней жестокостью. *Который брани усмирил. — Брань* — война. Державин пояснял эту строфу так: «Сей куплет относится на мирное тогдашнее время, по окончании первой турецкой войны (1768—1774 гг. — *Ред.*) в России процветавшее, когда многие человеколюбивые сделаны были императрицею учреждения, как-то: воспитательный дом, больницы и прочие». *Который даровал свободу.* — Здесь Державин отмечает некоторые законы, изданные Екатериной II и защищавшие интересы дворян-помещиков и купцов: право совершать заграничные путешествия, данное еще Петром III и вновь подтвержденное, право помещиков разрабатывать рудные месторождения на их землях в собственную пользу, право свободного плавания по морям и рекам, отмена запрещения рубить лес на своей земле без контроля властей. *Десница* — правая рука. *Не мни* — не думай, не считай. *Бешмет* — татарский кафтан. *Крез* — легендарный царь древней Лидии, владелец несметных сокровищ. *Сафирны* (от сафир или сапфир) — голубые, синие.

Видение мурзы

Стр. 50

Написано Державиным как бы в защиту от тех, кто упрекал его после появления оды «Фелица» в лести Екатерине и в нарушении литературных канонов. *Нева из урны.* — Обложенная гранитом Нева представляется как бы заключенной в урну. *Бельт* — Балтийское море. *Зефир* — легкий ветерок. *Пленира* — так называл поэт свою первую жену Е. Я. Бастидон (1760—1794). *Из теремов своих янтарных.* — «В Царском Селе была одна комната убрана вся янтарем, а другая розовая фольговая с серебряною резьбою» (объяснение Державина). *Улусы* — селения кочевников. *Украдкой от придворных лиц.* — «Императрица притворялась, что будто не к ней относится вышеупомянутое сочинение «Фелица», и для того подарок к автору был послан без огласки» (объяснение Державина). *До́сканец* — коробочка, ящичек; здесь: табакерка. *Одежда белая струилась.* — Державин дает здесь точное описание портрета Екатерины работы художника Д. Г. Левицкого. Портрет находится ныне в Русском музее, в Ленинграде. *Перси* — грудь. *Виссон* — дорогая ткань ленты ордена св. Владимира, идущей на портрете Екатерины от правого (десного) плеча к левому бедру. *Сжигая маки благовонны* — то есть жертвуя своим покоем; *мак* — символ сна, покоя. *Орел полунощный. . . как будто бы уснув.* — Потухший гром (перуны), оливовые ветви, сон орла здесь символы мира, так как с 1774 по 1787 г. Россия не вела войн. *Курение мастик.* Здесь *мастика* — ароматическая смола. *Кади* — духовный судья у мусульман. *Тот хотел арбуза.* — По объяснению Державина, намек на Потемкина, посылавшего из своей ставки в военном лагере курьеров за арбузами в город.

Властителям и судиям

Стр. 57

Стихотворение является вольным переложением 81-го псалма из Библии. В 1780 г. было вырезано цензурой из журнала «Санкт-Петербургский вестник»; опубликовано в 1787 г. в журнале «Зеркало света». Екатерина и ее сановники препятствовали дальнейшему печатанию этих стихов, которые они не без основания считали «дерзкими», «якобинскими»; поэту одно время даже грозили за них карой. Державину удалось поместить стихотворение в книге своих сочинений только в 1808 г. *Земных богов во сонме их. — Сонм, сонмище* — сборище, толпа, скопление. *Рек* — сказал. *Покрыты мздою очеса* — ослеплены подачками очи.

На смерть князя Мещерского

Стр. 59

Глагол времен! металла звон! — бой часов, олицетворяющих неизбежный ход времени. *Никая тварь* — никакое творение, существо. *Тать* — вор. *Персть* — прах, земная плоть. *Купно* — вместе. *Пиршеств. . . лики* — здесь: пиршественный хор, песни. *Перфильев* — генерал-майор, один из воспитателей наследника престола великого князя (будущего императора Павла I), друг известного своим богатством князя Мещерского; на пирах Мещерского бывал и Державин.

На рождение в Севере порфирородного отрока

Стр. 63

Написано спустя некоторое время после рождения (1777) великого князя Александра (будущего императора), старшего сына наследника престола Павла. Рождение это пришлось на 12 декабря по старому стилю, когда «солнце начинает возврат свой от зимы на лето», о чем и говорит Державин в стихотворении, славя новорожденного, весну, обновление жизни. *Борей* — северный ветер. *Сатиры* — в античной мифологии спутники бога вина и веселья Вакха-Диониса — существа с козлиными ногами, бородой и рогами. Так представил здесь Державин русских крестьян.

Бог

Стр. 67

Эта знаменитая ода, много раз переводившаяся на иностранные языки, вызывала протесты со стороны церковников, так как в ней утверждается мысль о бесконечности мира во времени и пространстве, о множественности «солнц», что противоречит религиозной догме, по которой земля — центр мироздания. *Без лиц, в трех лицах божества!* — Здесь не только упоминание православной троицы — бога-отца, бога-сына и святого духа. «Автор, кроме богословского православной нашей веры понятия, разумел тут три лица метафизические, то есть бесконечное пространство, беспрерывную жизнь в движении вещества и неокончаемое течение времени, которое

бог в себе совмещает» (объяснение Державина). Метафизические — на языке XVIII века и Державина, в частности, означает «философские». *Прежде век* — прежде веков. *Живот даришь* — даришь жизнь. *Природы чин* — порядок, закон природы.

Осень во время осады Очакова

Стр. 71

Написано в Тамбове (Державин служил там генерал-губернатором) осенью 1788 г., когда долго не поступало известий из армии, осаждавшей турецкую крепость Очаков. Военными действиями под Очаковом руководил Потемкин, а среди офицеров там находился знакомец Державина князь С. Ф. Голицын, жене которого (племяннице Потемкина), жившей под Тамбовом в селе Зубриловке и ждавшей мужа, как бы и было адресовано стихотворение, первоначально называвшееся «Осень в Зубриловке». *Эол* — в греческой мифологии бог ветров. *Криле* — крылья. *Колпик* — аист. *Выжлиц* — гончих собак. *Нимфы голосисты.* — Нимфами здесь Державин называет крестьянок. *Небесный Марс.* — *Марс* — бог войны у древних римлян. *Гром* — один из атрибутов Марса. *Царство Митридата* — Понтийское государство (II—I вв. до н. э.) у берегов Черного моря (включая Крым), царем которого был Митридат. *Орел... летает и темнит луну.* — *Орел* — герб России. *Луна* (полумесяц) — герб Турции. *Эвксин* — древнее название Черного моря. *Росс* — русский. *Мраз* — мороз.

Заздравный орел

Стр. 74

На льва и на луну. — **Подразумевается Швеция (лев — ее герб) и Турция.** *Росски* — **русские.** *Амазонки* — **мифические женщины-воительницы.**

На взятие Измаила

Стр. 76

Всяк Курций, Деций, Буароз! — **«Первый — всадник римский, бросившийся в разверстую бездну, чтоб утишить моровое поветрие в Риме; второй — полководец римский, бросившийся в первые ряды, дабы смешать и победить неприятеля; третий — капитан французской службы, вошедший по веревке во время бури на скалу в 80 сажен вышиною и тем взявший крепость» (объяснение Державина).** *Тир* — **«Александр (Македонский), отправившийся для покорения Персии, когда не мог взять города Тира, на пути лежавшего, то чтобы ближе подвезти стенобитные машины, таранами называемые, запрудил Тирский залив и взял город приступом» (объяснение Державина).** *А здесь вождя одно веленье.* — *Вождь* — **А. В. Суворов, руководивший штурмом Измаила, павшего 11 декабря 1790 г.** *Тавр* — **Таврида (Крым).**

Ко второму соседу

Стр. 80

В 1791 г. Державин приобрел дом на Фонтанке (ныне дом № 118) в Петербурге и капитально перестраивал его, а рядом с ним строил себе дом управитель Таврического дворца Потемкина полковник М. А. Гарновский, к которому и обращено стихотворение. *Колмогоры* **(Холмогоры) — город близ Белого моря, славящийся косторезным искусством.** *Тифда* **— месторождение мрамора в бывшей Олонецкой губернии.** *Рифей* **— Уральские горы.** *Невски зеркала, фарфор* **— стеклянный завод и фарфоровый (ныне им. М. В. Ломоносова) завод на Неве.** *Баки* **— Баку.** *Ни глазумея . . . пары.* **— «Глазомей: лучший цветочный китайский чай. . .» (объяснение Державина.** *Паче* **— более того.** *Мне солнца застеняя свет.* **— Гарновский строил свой дом выше дома поэта и затевал разбить в нем висячий сад с фонтаном (в стихотворении: «Темный сад кедровый и шумны токи вод»).** *С пошвы* **— с почвы, от земли.** *Презренным взглядом* **— презрительным взглядом.** *Во стойлы конски обратят.* **— Гарновский предполагал продать свой великолепный дом в казну для кого-нибудь из великих князей, но при Павле I попал в крепость, а дом его действительно был обращен в конногвардейские конюшни.** *Феб* **(или Аполлон) — бог солнца и света, покровитель искусств и поэзии. Здесь: намек на покровителя Гарновского — светлейшего князя Потемкина.** *Сокровищи Тавриды на барках свозишь.* **— После смерти Потемкина в том же 1791 г. Гарновский пытался перевезти к себе из Таврического дворца многие произведения искусства, но ему помешала полиция.** *Хижина Петра* **— домик Петра I, поныне сохранив-**

шийся в Ленинграде. *Гробницы Матвееву принес.* — **Державин писал в объяснениях, что боярина Матвеева (убит стрельцами в 1682 г.) так любили в народе, что «когда под строящийся им дом не могли найти камней под фундамент, то народ сбежавшийся собрал с гробов отцов своих каменья и принес ему с прошением, чтоб он принял их в знак усердия».** *Иль плющем зарастет?* — **«Плющ, трава, символ любви к отечеству» (объяснение Державина).**

На счастие

Стр. 83

Это большое произведение, из которого нами дается лишь отрывок (его следует читать как разговор автора со Счастием). В рукописи помечено: «Писано на масленице, когда и сам автор был под хмельком». Державин жил тогда в Москве, «в чрезвычайном гонении», ожидая суда в Сенате после его отлучения от тамбовского губернаторства. Взяв тему счастья, автор привлек огромный круг явлений и, как он указывал, «в свое утешение и забаву хотел посмеяться ироническим слогом над всем тем, что делается в сем развратном и непостоянном мире». *Марьяж* — **карточный термин (король и дама одной масти).** *Не страстны мной, как прежде, музы; Бояра понадули пузы, и я у всех стал виноват.* — **«Автор шутит над собою, что похвалой императрице (в «Фелице» и подобных произведениях. —** *Ред.*) **прослужился у всех вельмож, и поэтому думает, что и музы ему, как прежде были, не благоприятны стали» (объяснение Державина).** *Гудок гудит на тон скрыпицы.* — *Гудок* — **старинный народный струнный инструмент, распространенный в XVIII веке на Украине;** *скрыпица* — **скрипка. Под «гудком» автор подразумевает**

враждебного ему сановника И. В. Гудовича, родом украинца. *И вьется локоном хохол.* **— Тут Державин имеет в виду другого вельможу, удачливого графа А. А. Безбородко, тоже украинца.** *Шар Монгольфиера.* **— В 80-х гг. XVIII века братья Монгольфье во Франции изобрели воздушный шар, «которому Счастие здесь тем уподобляется, что упадает куды случится» (объяснение Державина).**

Храповицкому

Стр. 86

Ответ Державина на стихи его сослуживца и приятеля А. В. Храповицкого, в которых он, выражая желание Екатерины, советовал Державину снова сочинять оды, славящие императрицу. Но, как говорил Державин, он не мог «воспламенять так своего духа, чтоб поддержать свой высокий прежний идеал, когда вблизи увидел подлинник человеческий с великими слабостями». *Вновь сосед.* **— Летом 1793 г. Державин и Храповицкий жили в царскосельском дворце.** *Давно мурза с большим усом* **— то есть, как пояснил Державин, «лестию больше бы нравился и получал награждение перстнями и прочими драгоценными вещами».** *С высот. . . Геликона* **— то есть горы, считавшейся в мифологии местопребыванием Аполлона и муз.** *Экстракт* **— краткое изложение судебного, следственного дела или прошения.** *Был чтец и пономарь Фемиды.* **— Державин пояснял: «Т. е. докладчик и служитель богини правосудия (Фемиды.—** *Ред.***), или императрицы».** *Омофор* **— часть облачения архиерея, наплечное полотнище, которым архиерей накрывает исповедующегося, отпуская ему грехи.** *Якобий* **— иркутский генерал-губернатор**

Якоби был под следствием и судом по обвинению в том, что хотел разжечь войну между Китаем и Россией. Расследовав дело, Державин установил невиновность Якоби. *Логинов* — **петербургский купец, незаконно получивший от казны откуп и сумму в 400 тыс. рублей. Его дело разбиралось двадцать лет, окончательно доказал вину Логинова Державин.** *Оправить* — **оправдать.**

Водопад

Стр. 88

Во вступлении к этому стихотворению Державин описывает водопад Кивач на реке Суне. Четыре скалы — четыре порога этого водопада. Помимо того, по толкованию Державина, они символизируют четыре времени года, а водопад — время вообще. *Стук слышен млатов* **(молотов) — шум машин Кончезерского чугуноплавильного завода, иногда за сорок верст долетавший до водопа́да и сливавшийся с его шумом.** *Соглася́сь с тобой* — **сливаясь.** *Хлябь* — **водная пучина.** *Некий муж седой.* — **Державин изобразил тут известного русского полководца фельдмаршала П. А. Румянцева.**

На смерть Катерины Яковлевны...

Стр. 92

Написано на смерть первой жены Державина. *Застреха* — **нижний край кровли.** *Зе́льная* — **сильная.**

Ласточка

Стр. 94

И прячешься в бездны подземны. — Во времена Державина считалось, что ласточки зимой впадают в сон и весной просыпаются. *Зеницы* — глаза, зрачки. *Косицы* — длинные перья по краям хвоста ласточки-касатки.

Вельможа

Стр. 96

Днесь — теперь, сегодня. *Не истуканы за кристаллом.* — *Истуканы* — статуи; *кристалл* — стекло. *Кивот* — застекленная рама для икон, портретов. *Титлы* — титулы. *Кумир, поставленный в позор* — то есть изваяние, выставленное для обозрения. *Перлы перские* — персидский жемчуг. *Бразильски звезды* — бриллианты из Бразилии, которая ими славится. *Калигула! твой конь в Сенате.* — Римский император Калигула (I в. н. э.), деспот и самодур, объявил своего коня консулом и ввел в Сенат. *Он только хлопает ушами.* — «Автор, присутствуя тогда в Сенате, видел многих своих товарищей без всяких способностей, которые, слушая дело, подобно ослам, хлопали только ушами» (объяснение Державина). *В шумиху дурака.* — *Шумиха* — сусальное золото. *Чтоб мужу бую умудриться* — то есть чтобы человеку безрассудному, буйному стать мудрым. *Чупятов* — купец-банкрот, притворявшийся сумасшедшим и ходивший по Петербургу увешанный разноцветными лентами и медалями и всех уверявший, что это марокканские ордена, присланные ему марокканской прин-

цессой, его невестой. *Сарданапал* — **царь древней Ассирии. Его имя в литературе стало нарицательным, означая человека, живущего в сказочной роскоши, погруженного в разврат. Описывая «второго Сарданапала», Державин воспроизводит характерные черты крупнейших вельмож екатерининского двора — Потемкина, Безбородко, Платона Зубова и других.** *Мусия* — **мозаика.** *Токай* — **местность в Венгрии, известная своими винами.** *Левант* — **Ближний Восток.** *Сквозь завес червленных* — **сквозь темно-красные, багряные занавеси.** *Цирцея* — **прекрасная волшебница, возлюбленная Одиссея; здесь: красавица.** *А там израненный герой.* — **Державин пояснял: «Многие седые заслуженные генералы у кн. Потемкина и гр. Безбородко и у прочих вельмож сиживали часто несколько часов в передней между их людей, покуда они проснутся и выйдут в публику».** *Покрова твоего желает.* — *Покров* — **покровительство, защита. Поясняя эти строки, Державин писал об одной вдове полковника, прежде служившего у Потемкина, которая «с грудным младенцем на руках стаивала, ожидая на лестнице его (Потемкина.** — *Ред.*) **выезда».** *Бесстрашный Долгоруков.* — **«Славный сенатор кн. Яков Федорович Долгоруков, который разодрал определение Сената, подписанное Петром I» (объяснение Державина).** *Того я славного Камилла.* — **«Камилл был консул и диктатор римский, который, когда не было в нем нужды, слагал с себя сие достоинство и жил в деревне. Сравнение сие относится к гр. Румянцеву-Задунайскому, который, будучи утесняем через интриги кн. Потемкина, считался хоть фельдмаршалом, но почти ничем не командовал, жил в своих деревнях. Но по смерти кн. Потемкина, получа в свое повеление армию, командовал оною. . .» О последнем обстоятельстве говорят строки стихотворения: «И от сохи опять послушно он в поле Марсовом живет».** *Румяна вечера заря.* — **Говоря о Румянцеве**

и его старости, Державин «обыгрывает» звучание его фамилии.

Радость о правосудии

Стр. 104

Вольное изложение 74-го псалма из Псалтыри. *Вельмож меня поставил в лике* — поставил меня в число вельмож. *Лик* здесь означает сонм, множество. *Не вздымайте рог.* — В данном случае *рог* — кичливость, надменность. *А правых вознесется рог.* — Тут другое старинное значение слова «рог» — власть, сила, могущество.

Павлин

Стр. 106

Державин писал: «Вообще сия ода относится на вельмож безумных, кичащихся своей пышностью». *Пеликана добродетель.* — Считалось, что пеликан, источая из груди кровь, кормит ею своих птенцов. *Феникс* — сказочная птица, жившая по пятьсот лет, затем сгорающая и возрождающаяся из пепла. Феникс упомянут здесь в ироническом смысле.

К Анжелике Кауфман

Стр. 108

Анжелика Кауфман (1741—1807) — немецкая художница. Державин поясняет: «... она писала обыкновенно фигуры

стройные, высокие, с греческими лицами. Такова была и жена автора». *Данаи* — древние греки. *Милена* — так называл в стихах Державин свою вторую жену Дарью Алексеевну Дьякову (1767—1842), на которой он женился в 1795 г. *Минерва* — богиня мудрости, покровительница наук и искусств, защитница закона.

Приглашение к обеду

Стр. 109

Каймак — сливки, снятые с топленого молока. *В крафинах* — в графинах. *Приди, мой благодетель давний.* — Первоначально было обращено к И. И. Шувалову, а затем, с изменением в стихотворении количества «лет добра» с тридцати на двадцать, — к А. А. Безбородко. *Не чин, не случай.* — «Случаем» называли тогда особую милость и влияние при дворе императрицы. *Да отженется* — отойдет, удалится. *А если ты иль кто другие.* — «Был зван между прочими любимец императрицы князь Зубов и обещал приехать, но пред обедом прислал сказать, что его государыня удержала; то сей куплет и относится к нему» (объяснение Державина).

Богине здравия

Стр. 112

Перевод с немецкого переложения древнегреческого гимна в честь богини здоровья Гигеи. *В дни живота моего* — в дни моей жизни. *Осклабиться* — улыбнуться.

Анакреон у печки

Стр. 113

Державин писал, что эти стихи — «экспромт во время играния на арфе Марии Львовны Нарышкиной», дочери шталмейстера екатерининского двора. «Под Анакреоном, — добавлял Державин, — автор разумел себя». *Анакреон* — древнегреческий поэт, воспевавший любовь и радости жизни. На мотивы лирики Анакреона писали многие русские поэты XVIII—XIX вв. *Купидон* — Эрот, Амур, бог любви.

Памятник

Стр. 114

Написано по мотивам оды великого римского поэта Горация (65—8 гг. до н. э.) «К Мельпомене», впервые переведенной русскими стихами в 1747 г. Ломоносовым. Вслед за Державиным «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» написал Пушкин. Писали «Памятник» также Фет, Брюсов.

К музе

Стр. 115

В люльках — в клумбах. *Леса ветвями помавают.* — *Помавать* — покачивать, махать, кивать.

Возвращение Весны

Стр. 119

Хариты — грации, античные богини красоты. *Сильфы* — ветерки, в преданиях средневековья — духи воздуха. *Белейши снега* — белее снега (о весенней праздничной одежде сельских девушек, которых поэт, как часто и в других стихах, здесь называет нимфами).

К лире

Стр. 121

Державин называл это стихотворение, написанное в царствование Павла, похвалой Румянцеву и Суворову, «когда первый скончался, а второй (в стихотворении он назван Рымникским. — *Ред.*) находился под гневом императора в его деревне» (то есть в Кончанском). По форме стихотворение является переработкой I оды Анакреона.

Купидон

Стр. 123

Тул — колчан.

Рождение Красоты

Стр. 125

Зевес (Зевс) — верховное божество древних греков, пребывал, как и другие боги, на горе Олимпе. *Ганимед* — юноша, виночерпий, разносивший на пирах богов божественный напиток — нектар; был похищен Зевсом с земли и сделан бессмертным. *Тартар* — подземное царство мертвых, преисподняя. *Мир и брани* — мир и войны. В основу стихотворения положен древнегреческий миф о том, что богиня любви и красоты Афродита родилась из морской пены.

Соловей во сне

Стр. 128

Калиста (Каллисто) — по мифологии, одна из возлюбленных Зевса. Здесь как имя нарицательное — просто «милая», «любимая». *Лики* — в данном случае: песни, хоры.

К самому себе

Стр. 129

Написано, как пояснял Державин, по поводу его столкновений (он был тогда сенатором) с генерал-прокурорами Куракиным и Лопухиным и другими вельможами, в царствование Павла беззаконно расхищавшими земли казенных кре-

стьян при межевании. Заседая в межевом департаменте Сената, Державин «нередко шумливал» против корыстолюбивых сановников, вызывая их неприязнь и злобу, а стихами хотел довести обо всем этом до сведения Павла. *И царям сулят доход.* — Державин писал, что министры подавали Павлу различные проекты о повышении доходов, за что получали подарки от него, «а между тем разбирали по себе казенные земли».

Параше

Стр. 130

Обращено к свойственнице Державина юной П. М. Бакуниной. Написано в царствование Павла, в его резиденции Гатчине («Луч от царских теремов»).

Русские девушки

Стр. 132

Певец Тиисский—Анакреон, уроженец Тиоса. *Бычок* — народная женская лирическая пляска XVIII — начала XIX века, получившая название «бычка» потому, что основное движение пляски напоминало бодание. Историк русской народной хореографии К. Голейзовский характеризует «бычка» как «необыкновенно красивый танец».

Арфа

Стр. 133

Навеяно поэту игрой П. М. Бакуниной на арфе. *Иль шумом будит... перунным.* — *Перунным* — от «перун»; перуны — гром. *И гробы обнимать родителей священны.* — Державин пояснял: «В Казанском уезде в селе Егорьеве находится кладбище рода Державина». *Как Павел в ней явился...* — В 1798 г. Павел I посетил Казань. *Отечества и дым...* — Эту строку в первоначальной ее редакции А. С. Грибоедов вложил в уста Чацкого в комедии «Горе от ума».

Снигирь

Стр. 135

Написано на смерть Суворова, скончавшегося 6 мая 1800 г. в присутствии Державина. Когда Державин, возвратившись домой, услышал прирученного снегиря, умевшего петь «одно колено военного марша», то эта «военная песнь» побудила Державина написать «сию оду в память столь славного мужа». *Войной на Гиену.* — Имеется в виду революционная Франция, с войсками которой сражался Суворов в итальянском походе.

Тончию

Стр. 137

Итальянский художник Сальватор Тончи (1756—1844), в 90-х годах XVIII века поселившийся в России, в 1808 г. писал портрет Державина, программу которого дал ему поэт в двух последних строфах этого стихотворения. Тончи исполнил все советы Державина. Портрет ныне находится в Государственной Третьяковской галерее в Москве. *Омир* — Гомер. *Аристид* (VI—V вв. до н. э.) — афинский полководец, известный своей справедливостью. *Сократ* (V в. до н. э.) — знаменитый древнегреческий философ, неуклонно согласовывавший свои взгляды и поступки; отказавшись от возможности бегства, бестрепетно принял яд, приговоренный судом к смерти. *Катон* (I в. до н. э.) — государственный деятель Древнего Рима, отличавшийся твердостью и преданностью республиканскому строю. *Тога* — верхняя одежда древних римлян. *Чтоб шел, природой лишь водим, против погод, волн, гор кремнистых.* — Державин пояснял эти строки так: «Первое, что он (автор. — *Ред.*) без всяких почти наук, одной природою стал поэтом; второе: что в службе своей многие имел препятствия, но характером своим без всякого покровительства их преодолевал». *Багрим.* — Род Державиных шел от татарского мурзы Багрима.

Свобода

Стр. 139

Написано осенью 1803 г., когда Державин был уволен с должности министра юстиции. Александр I предлагал

ему остаться в Сенате и Государственном совете с пожалованием высшего русского ордена Андрея Первозванного, но Державин, по его словам, ответил Александру, что «тогда хорошо служить, когда гладки воды не могут колебать непогоды», то есть когда соблюдаются законы, и не принял предложения царя. *На высоком вдруг холму* — то есть пребывал в высоком чине. *Я носил на плечах холм* — исполнял обязанности министра.

Любушке

Стр. 141

Подражание оде Анакреона «Девушке своей». *Протей* — в греческой мифологии бог, обладавший способностью менять свой облик.

Цыганская пляска

Стр. 142

Египтянка — цыганка. В XVIII веке и даже в XIX веке цыган считали выходцами из Египта. *Длани* — руки. *И в нежного певца.* — Стихотворение было написано как ответ на послание в стихах поэта-сентименталиста И. И. Дмитриева, которого Державин называет здесь «нежным певцом». В своем послании Дмитриев сообщал из Москвы, что ему мешают писать стихи крики и пляски цыган в Марьиной роще, по ночам, «вкруг древних гробниц», то есть на кладбище. Отсюда характер четвертой строфы стихотворения Державина: «Топоча по доскам гробовым».

Лебедь

Стр. 144

Подражание оде Горация «К Меценату», в которой отозвалось греческое предание о том, что души поэтов после смерти превращаются в лебедей. *В двояком образе нетленный* — «т. е. по бессмертной душе и по сочинениям» (объяснение Державина). *Не задержусь в вратах мытарств* — то есть, скончавшись («от тленна мира отделюсь»), с успехом дам отчет в своих делах на пути в небесный мир. *Средь звезд не превращусь я в прах.* — Под звездами Державин разумеет здесь, как он писал, звезды орденов. *Цевница* — свирель. *И проповедуя мир миру. . .* — По державинским пояснениям, в этой строке имеются в виду миролюбивые правила третейского совестного суда, которые Державин предлагал, будучи министром юстиции, но которые «чрез пронырство его завистников в свет не вышли».

Евгению. Жизнь Званская

Стр. 146

Обращено к епископу Евгению Болховитинову (1767—1837), историку и писателю, жившему в 1804—1808 гг. в Хутынском монастыре, в 60 верстах от имения Державина Званки, дружившему с поэтом и навещавшему его. Званка была расположена на берегу реки Волхова. *Сирен под власть.* — *Сирены* — в древнегреческих мифах существа, завлекающие своим пением моряков в гибельные места;

здесь: обольстительные красавицы. *Красот позор* — то есть зрелище. *Средь сада храм жезлом чертяще.* — Здесь старинный причастный оборот: автор в мечтах чертит волшебным жезлом, рисуя среди природы некий античный храм. *Смотрю над чашей вод.* — Полет голубей в небе наблюдали, глядя, как в зеркало, в сосуд с водой. *Барашков в воздухе* — бекасов, кричащих во время вечерних перелетов весной подобно барашкам и потому прозванных в народе барашками. *Рев крав, гром жолн* — рев коров, стук дятлов (желна). *Пар. . . манжурской иль левантской* — запах чая или кофе. *Раздобар* — болтовня. *И с Флакком, Пиндаром.*— *Флакк* — Гораций, *Пиндар* — древнегреческий поэт. *Иль в зеркало времен.* — Зеркалом времен Державин назвал здесь историю. *Блестят и жучки в епанечках* (епанчах) — то есть беспородные собаки в попонках. Державин пояснял: «Т. е. посредственные мысли, хорошо сказанные, чистым слогом, делают красоту сочинения». *И липца, воронка и чернопенна пива.* — «Липец, мед, наподобие вина приуготовленный, желтого цвета, воронок — тоже мед, но черный, с воском варенный, — напитки, которые бывают очень пьяны, особливо последний, так что у человека при всей памяти и рассудке отнимутся руки и ноги; пиво черное кабацкое тоже весьма крепкое» (объяснение Державина). *Древ русских сладкий сок до подвенечных бревен* — яблочный или березовый сок, который готовили наподобие шампанского и который выбивал пробки из бутылок до подвенечных, то есть верхних, бревен дома. *За здравье с громом пьем* — то есть со стрельбой из пушек. *Лаптой мечу леток* — игра в волан. *Стекла оптики* — волшебный фонарь. *Мрачный фонарь* — камера-обскура. *Как сквозь чугунных. . . столпов* (столбов). — «Огненная паровая машина» (пояснение Державина). *Марииной рукой прядутся.* — Державин пояснял: «Императрица Мария Феодоровна выписала

из Англии прядильную машину, на которой один человек более нежели на сто веретен (в стихотворении тьмы, то есть тысячи, веретен. — *Ред.*) **может прясть».** *Берутся с поль царицы* — **то есть все растения, дающие красители, берутся с полей — владений царицы Флоры, богини цветов и весны у древних римлян.** *Бердыши милицы.* — *Бердыш* — **холодное оружие. Милицией называли ополчение, набираемое преимущественно из крестьян. В конце 1806 г. ввиду войны с Францией был опубликован манифест о наборе 612 000 человек во «внутреннюю временную милицию».** *Страшат тварь влаги стуком.* —*Тварь влаги* — **рыба. Державин комментирует эту строку: «Рыбная ловля, называемая колотом, в которой несколько десятков лодочек, в каждой с двумя человеками, опустя в воду сетки, тихохонько или лениво ездят и стучат палками в лодки, производя страшный звук, от чего рыба мечется как бешеная в реке и попадает в сетки».** *Гамит* — **шумит.** *Из жерл чугунных гром.* — **В Званке по праздникам стреляли из пушек.** *Под гудками* — **под музыку струнных народных инструментов — гудков.** *Талия* — **муза комедии.** *Терпсихора* — **муза танцев.** *Тихогром* — **фортепьяно.** *Рев морь* — **рев морей.** *Кто весть* — **кто ведает.** *Александров век* — **царствование Александра I.** *Но мещет днесь и он перуны* — **мечет ныне громы (подразумевается война России с Наполеоном (1806—1807 гг.).** *Темиру* **(Тимуру)** *новому* — **Наполеону.** *Под Пультуском, Прейсшлау.* — **Сражения под Пултуском (на реке Нарев, в декабре 1806 г.) и Прейсиш-Эйлау (в Восточной Пруссии, в январе 1807 г.) принесли русской армии относительный успех.** *Орла седого славу.* — **Старик фельдмаршал граф М. Ф. Каменский, назначенный главнокомандующим, через несколько дней был сменен Беннигсеном.** *Скудельна лира.* — *Скудельный* — **тленный, обреченный на гибель.** *Сатурн* — **в др.-рим.**

мифологии бог посевов, здесь в значении бога времени. *Вождя, волхва, гроб кроет мрачный.* — Здесь говорится о легенде, согласно которой под холмом у дома Державина был похоронен волхв (кудесник), один из вождей новгородских, давший имя реке Волхову. *Как гром катается над ним* — когда прокатится гром. *Так, разве ты, отец!* — Обращение к епископу Евгению. *Не зря на колесо. . . дней* — не глядя, не обращая внимания. *Чрез Клии воскресишь согласья.* — Через гармонические, соразмерные («согласья») звуки трубы («она своей трубой») музы истории Клии (Клио) — то есть выступив как историк — ты расскажешь о Званке («то место, где отзывы от лиры моея. . .»), о Державине. Евгений напечатал в 1806 г. в журнале «Друг просвещения» среди биографий ряда писателей жизнеописание Державина.

Признание

Стр. 157

Державин писал по поводу этих стихов: «Объяснение на все мои сочинения».

Задумчивость

Стр. 159

Перевод 28-го сонета Петрарки, великого итальянского поэта эпохи Возрождения.

На модное остроумие 1780 года

Стр. 160

Не уважать отцом, ни матерью, ни троном — **не уважать отца, мать, трон (государство).**

На птичку

Стр. 162

Написано в годы службы Державина статс-секретарем Екатерины II, когда императрица высказала пожелание, чтобы поэт писал новые оды «в роде «Фелицы».

На Багратиона

Стр. 165

Князь П. И. Багратион, герой Отечественной войны 1812 г., приобрел особенную популярность после Шенграбенского сражения 4 ноября 1805 г., в котором он, устояв против французов, имевших огромное превосходство в силах, дал возможность главному русскому войску, возглавляемому М. И. Кутузовым, соединиться со вспомогательным корпусом. В начале 1806 г. Петербург и Москва устроили Багратиону торжественную встречу (об этом есть соответствующие страницы в «Войне и мире» Л. Н. Толстого), отзвуком ее явилось и это четверостишие Державина.

Привратнику

Стр. 166

Древний Навин — персонаж Библии, военачальник Иисус Навин, остановивший солнце, чтобы продлить день и закончить победой завязавшееся сражение. *Другой Державин* — сосед поэта, обер-священник И. С. Державин. Однажды привратник поэта принял пакет, адресованный священнику, по поводу чего и написано, в виде назидания привратнику, это стихотворение. И. С. Державин (или его друзья) ответил поэту грубыми, бранными стихами, которые вместе со стихотворением «Привратнику» ходили в рукописях в публике под названием «Спор» или «Ссора Державиных». *Скуфья* — остроконечная темная шапочка у священников и монахов. *Ктитор муз.* — *Ктитором* называется церковный староста. *И днесь пресвитер их зовусь* — то есть и сейчас зовусь жрецом муз (пресвитер — глава религиозной общины). *Кутья* — поминальное кушанье из риса или другой крупы на меду или с изюмом. *Салма* — вареное тесто (татарское кушанье). *С потопа влекся* — то есть шел со времен библейского потопа. *Он в семинарьи им нарекся.* — Сыновья священников принимали в семинарии новую фамилию. *В моем звезда рукой держима.* — В гербе Державина изображена рука среди облаков, держащая звезду. *Держава* — символ царской власти — золотой шар с крестом наверху. *Митра* — торжественный головной убор высшего духовенства. Это стихотворение, написанное в 1808 г., было напечатано лишь в 1859 г. Пушкин пытался опубликовать его в своем журнале «Современник», но не получил разрешения цензуры.

Аспазии

Стр. 169

Аспазия — известная своей красотой и умом гетера, ставшая женой правителя Афинской республики Перикла (V в. до н. э.). *Аттика* — область Древней Греции с главным городом Афинами. *Мудрецы по ней вздыхают.* — Дом Аспазии посещали многие выдающиеся люди, в том числе философ Сократ. *И Перикл в нее влюблен.* — Чтобы жениться на Аспазии, Перикл развелся с первой женой. *И винят в хуле богов.* — Политические противники Перикла обвинили Аспазию в непочитании богов. Перикл сам выступил на суде и добился ее оправдания. В финале стихотворения Державин описал суд не над Аспазией, а над другой знаменитой греческой гетерой Фриной (IV в. до н. э.), в ходе которого архонты (судьи), члены ареопага — высшего государственного органа Афинской республики — были обезоружены красотой Фрины, когда защитник обнажил ее, и оправдали обвиняемую.

«Река времен в своем стремленьи...»

Стр. 173

Сохранилась грифельная доска, на которой Державин за три дня до своей кончины написал эти строки, глядя на висевшую в его кабинете эмблематическую карту «Река времен». Этой строфой Державин предполагал начать новое свое стихотворение «На тленность».

СОДЕРЖАНИЕ

Стихотворения

Эпиграммы

Для старшего возраста

Гаврила Романович Державин

ГЛАГОЛ ВРЕМЕН

Стихотворения

ИБ № 2730

Ответственный редактор
Г. И. Гусева.

Художественный редактор
О. К. Кондакова.

Технический редактор
Л. П. Костикова.

Корректоры
Н. А. Сафронова и Е. И. Щербакова

Сдано в набор 19/XII 1977 г. Подписано к печати 11/IV 1978 г. Формат 70×100 1/32. Бум. офс. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,45. Уч.-изд. л. 7,12. Тираж 100 000 экз. Заказ № 468. Цена 40 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

Державин Г. Р.

Д 36 Глагол времен. Стихотворения. Сост., предисл. и примеч. Н. В. Банникова; Гравюры на дереве Н. Н. Побединской. — М., Дет. лит., 1978.— 208 с. ил. (Поэтическая б-чка школьника).
В пер.: 40 к.

Книга избранных стихотворений родоначальника русской поэзии Гаврилы Романовича Державина (1743—1816) создает целостное представление о многогранности его поэзии. Статья и комментарии это представление дополняют.

70803—282
Г——————— 278—78 **Р1**
М101(03)78





40 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»


Г. Р. ДЕРЖАВИН